

А. П У Ш К И Н

А. П У Ш К И Н

①

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 48

А. П У Ш К И Н

том I

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

*Вступительная статья
редакция и примечания
Б. Мейлаха*

**ЛЕНИНГРАД,
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ**

1940

Сочинения Пушкина изданы «Библиотекой поэта» (малая серия) в трех томах. Том I содержит стихотворения, том II — поэмы и сказки, том III — «Евгений Онегин» и драматические произведения.

А. С. ПУШКИН

1

Творчество величайшего русского национального поэта Александра Сергеевича Пушкина составило целую эпоху в развитии русской культуры. Революционно-демократическая критика 60-х годов справедливо считала Пушкина одним из «вождей русского просвещения». Это имя он заслужил как создатель русского литературного языка, прекрасного, могучего, гибкого языка миллионов, и как родоначальник новой русской литературы, отражавшей лучшие чаяния народа.

Всей своей жизнью Пушкин показал пример самоотверженного служения народу, видя свое гражданское призвание в том, чтобы «глаголом жечь сердца людей», неустанно звать вперед, показывать пути движения к прогрессу. «Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель» — сказал о Пушкине Чернышевский. Эта мысль впоследствии была развита в известных словах великого пролетарского

писателя М. Горького: «Пушкин — первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту, до него недосигаемую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».

В самом деле, к какой бы отрасли литературы Пушкин ни подходил, всюду проявлялась его забота о создании русской национальной культуры и о народном просвещении. Работая над своими бессмертными художественными произведениями, он демонстративно противопоставил правилам придворной и салонной литературы «для немногих» принципы правдивости, ясности, простоты. Как политическую задачу рассматривал он необходимость образования национального русского языка. Наконец, исключительное значение он придавал и литературной критике, целью которой считал воспитание уважения «к личной чести гражданина» и организацию общественного мнения.

В одной из черновых тетрадей Пушкин однажды записал: «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке». Народ с его прямодушием, одаренностью, ненавистью к угнетателям,

е его богатым, гибким языком, замечательными песнями и сказками — вот, по мнению Пушкина, лучшее, что было в России. Этими качествами народа и верой в будущее родины вдохновлялись его лучшие художественные замыслы.

Непримиримость своих идеалов с существовавшими в крепостнической России социальными порядками Пушкин осознал с самого начала творческого пути. Так, в 1816 г. он заявил о своей готовности разить «кровавыми стихами» «варваров», реакционных «славянороссов», несмотря на опасность «тонений»:

... Вижу: возвещать нам истины опасно

Гонения терпеть ужель и мой удел?

Что нужды? смело в даль, дорогою прямою...

Непрерывные и с каждым годом возрастающие преследования царского правительства, травля реакционной критики, издевательства полиции и цензуры — все это лишь укрепляло Пушкина в сознании совершаемого им подвига — создания правдиво отражающей жизнь литературы и понятного народу языка.

Весь жизненный путь и творчество Пушкина неразрывно связаны с русским освободительным движением. О периоде, в продолжение которого развернулась деятельность Пушкина, Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует

ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить народ*.¹ Своим творчеством, в котором с огромной художественной силой отразилась вся эпоха с ее противоречиями, деспотизмом самодержавия, крепостническим гнетом, восстанием декабристов, крестьянскими бунтами, Пушкин будил не только поколение Герцена, но и последующие за ним революционные поколения. О значении пушкинского творчества в эпоху николаевской реакции Герцен писал: «Одна лишь звонкая и широкая песня Пушкина звучала в долине рабства и мучений. Эта песня продолжала эпоху прошлого, наполняла могущественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением».

Роль Пушкина в русском освободительном движении не исчерпывается политическими стихотворениями, а заключается во всей его деятельности: основатель литературы критического реализма, создатель русского литературного языка, критик, журналист, историк — он всюду внес свой гений новатора, сокрушавшего догмы феодально-крепостнической идеологии.

В творчестве Пушкина постепенно все более крепла реалистическая струя, все более возрастало стремление к демократиза-

ции своих произведений, к постановке важнейших вопросов современности, приведшее его к художественному воплощению темы народных восстаний. «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева» — таковы творческие вехи последних лет жизни поэта, самое существование которого было несовместимо с самодержавно-крепостническим режимом.

3

Пушкин родился в 1799 г., 26 мая, в Москве. Отец его, Сергей Львович, происходил из знатного, когда-то богатого дворянского рода. Мать Пушкина, Надежда Осиповна (рожд. Ганнибал), была внучкой арапа Петра Великого». С детских лет Пушкин проявил большой интерес к литературе. По воспоминанию брата Пушкина, «страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие трагедии и эпиграммы на своих учителей... Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете пожирал книги одну за другой».

Большую роль в формировании мировоззрения Пушкина и в развитии его литературного дарования сыграл Царскосельский лицей, в который он поступил в 1811 г. Заведение это, задуманное как школа подготовки юношества для «важных частей

¹ Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XVI, стр. 373.

службы государственной», вопреки воле правительства оказалось проникнутым духом вольнолюбия. Лицейсты (среди которых Пушкину были особенно близки Дельвиг и будущие декабристы — Пушкин и Кюхельбекер) проявляли горячий интерес к общественным вопросам, к чтению «нелегальной» литературы и передовых европейских мыслителей (в особенности Вольтера). Враждебность крепостнического государства к свободному проявлению человеческой личности, полицейский произвол, попытки правительства задушить в стране проявления свободомыслия — все это остро переживалось Пушкиным, вызывало напряженные поиски новых жизненных путей.

Еще находясь в Лицее, Пушкин начал разрабатывать одну из основных тем своего творчества — тему противоречия между личностью и окружающей средой. В лицейских посланиях 1815—1816 гг., носящих еще следы ученического подражания лирике Батюшкова и Жуковского, поэт противопоставляет круг «друзей», чуждых «этикету», презирающих суету «столиц, забот и грома», кругу вельмож и прислуживающих им «высоко, тонко и хитро» «придворных философов». В посланиях этих еще содержатся лишние элементы сентиментальной идиллии («Нашел в глуши я мирный кров и дни веду смиренно»). Но враждебность поэта существующему порядку вещей отразилась в

этих стихах достаточно определенно. «Мудрецом придворным» может быть лишь тот, кто умеет льстить «с улыбкою притворной», а не тот, кто «правдив и благороден».

В тесной связи с мотивами ухода от пышного великоления придворного быта в «сельское уединение» разрабатывались Пушкиным и мотивы эпикурензма, наслаждение жизнью, любовью, искусством. За внешней легковесностью и беззаботностью настроений, отразившихся в этих стихах, уже таились беспокойные поиски ответов на важнейшие «вопросы бытия». В лицейских стихах сила поэтической традиции скрывала подлинный, многообразный внутренний мир юного поэта. Свидетельства о мучивших его проблемах, о напряженной работе мысли дошли до нас из иных источников. В отношении к 1820 г. плане автобиографических записок Пушкин отметил под 1811 г. — годом поступления в Лицей: «Мое положение. — Философические мысли». А в лицейском дневнике Пушкина 10 декабря 1815 г. записано: «Вчера написал я третью главу «Фатама или разума человеческого: Право естественное». «Фатама» не уцелела, не сохранилась и комедия в стихах «Философ», которой Пушкин, по словам его лицейского товарища Иличевского, думал «открыть свое поприще по выходе из Лицея». Но самый заголовок первого произведения, «Разум человеческий: Право естественное», говорит об интересах поэта. Литература французских

просветителей, общение с вольнолюбивыми друзьями, лекции лицейского преподавателя Куницына о «естественном праве» — все это выдвигало вопрос о законности существующего порядка. От Куницына Пушкин услышал полные глубокого смысла слова: «Люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния; они предлагают свои силы в расположение общества, но с тем только, чтобы они обращены были на общую и, следовательно, также и на собственную пользу». Логике этой формулы действительность противопоставляла предписанное арацеевским режимом ограничение мысли и чувств, крепостное право, непререкаемый авторитет полицейской власти. Почти программна написанная Пушкиным в 1815 г. сатира «Лицинию», содержащая декларативные строки:

Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

Мотивы этого стихотворения, в котором используется третья сатира Ювенала, находят свое дальнейшее развитие в поэзии Пушкина.

С переходом к более зрелому этапу творчества Пушкин наполняет свои стихотворения

более реальным и конкретным содержанием. Этому способствует его переезд после окончания Лицея в Петербург, где он был определен в Коллегию иностранных дел.

Годы 1817—1820, проведенные Пушкиным в Петербурге, характеризуются большим общественным возбуждением после наполеоновских войн. Знакомство передового русского общества с Францией еще более обнажило отсталость феодально-крепостнической России. Организация реакционного Священного союза во главе с русским царем, внутри страны — чудовищная эксплуатация крепостного народа, цензурный гнет, военные поселения — все это способствовало росту оппозиционных настроений и привело к образованию тайных политических обществ. Сам Пушкин не входил в тайное общество декабристов. Но, по словам Вяземского, «хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, — но он жил и раскалялся в этой жгучей, вулканической атмосфере». Литературно-театральное общество «Зеленая лампа», которое посещал Пушкин, находилось под идейным влиянием тайного общества «Союз благоденствия».

Политические идеи, объединявшие участников тайных обществ, нашли широкое отражение в творчестве Пушкина. В стихотворениях 1817—1819 гг. он уже не ограничивается сентиментально-идиллическими

мотивами, а воплощает свои переживания в форму идеологически вполне определившихся образов. В соответствии с этим коренным образом перестраивается и весь строй ранней пушкинской поэзии, постепенно исчезает свойственная ей условность стиля. К 1817 г. относится ода «Вольность», свидетельствующая о резком сдвиге не только в политическом мировоззрении, но и в художественной эволюции Пушкина. Ораторская интонация, высокая идейная насыщенность и конкретность образов, характеризующие это стихотворение, становятся типичными и для пушкинского послания. Органическое единство свободной разговорной поэтической речи и тесно связанной с окружающей действительностью тематики нашло выражение в таких поражающих своей поэтической простотой и в то же время глубокой содержательностью посланиях, как, например, «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»), «Орлову», «В. В. Энгельгардту». Не проводя строгих границ между узаконенными поэтикой классицизма жанрами (ода, элегия, послание и т. д.) и синтезируя особенности различных жанров, он избегает догматизма, свойственного многим поэтам этого времени. В отличие, например, от В. Кюхельбекера, полагавшего, что единственным жанром, пригодным для воплощения «возвышенных» чувств и мыслей, является ода, Пушкин придерживался принципа равноправия жанров и добивался

наполнения всех форм поэтического творчества глубоким идейным содержанием. Этому принципу он остался верен и в лирике поздних лет. Не только в послание, в элегию или в балладу, но даже в альбомный мадригал он смело вводил социальные мотивы, иногда приобретающие в контексте неожиданную остроту.

Политические стихи, написанные Пушкиным в Петербурге («Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня», «Сказки» (Noël) и др.), распространялись в сотнях рукописных копий и были известны каждому передовому человеку. В этих стихах Пушкин ратовал за «просвещенную свободу», уничтожение рабства, установление законов, обеспечивающих гражданские права. Александр I решил «обезопасить» вольнолюбивого поэта. Только заступничество друзей — Карамзина и Жуковского — спасло Пушкина от Сибири.

В мае 1820 г. его высылают на юг, в распоряжение генерала Инзова. К этому времени он уже был широко известен в России своими стихотворениями. Еще будучи в Лидее, он примкнул к литературному обществу «Арзамас», которое занимало прогрессивные общественные позиции и боролось с консервативной «Беседой любителей русского слова». Ко времени окончания Лидеи Пушкин, по словам декабриста И. И. Пущина, «был во главе литературного движения». Но окончательное утверждение литературной славы Пушкина принесла поэма

«Руслан и Людмила» (первое издание ее вышло в августе 1820 г.). Появление в печати этой поэмы, имевшей значение манифеста нового литературного направления, составило событие большого общественного значения. По определению Белинского, «причиной энтузиазма, возбужденного «Русланом и Людмилой», было, конечно, и предчувствие нового мира творчества, который открывал Пушкин всеми своими первыми произведениями. В этой поэме все было ново... и стих, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами».

Вокруг «Руслана и Людмилы» возникла дискуссия, вышедшая за пределы чисто литературных споров. Враждебную настороженность вызывала у литературных староверов полемическая направленность этой поэмы, в которой Пушкин пародировал тематику «героических» ложноклассических эпосов, и «простонародность» образов, и «мужицкий» язык. Беспокойство М. Каченовского — консервативного критика, уподобившего появление «Руслана и Людмилы» вторжению в «Московское благородное собрание» гости «с бородой, в армяке и в лаптях», было вполне обоснованным. Своей поэмой Пушкин совершенно по-новому ставил проблему народности, отказываясь от условной стилизации «народной старины» и от традиционной фальсификации фольклора. Но именно поэтому поэма «Руслан и Людмила», принятая в штыки последователями

идеолога «Беседы любителей русского слова» Шишкова, вызывала, казалось бы, несколько неожиданное недовольство карамзинистов. Известно, что И. И. Дмитриев «приветствовал» эту поэму стихом: «Мать дочери велит на эту сказку плюнуть». Причина этого заключалась в том, что в выработке русского литературного языка Пушкин шел своим, особым путем. Этот путь был чужд не только шишковистам — защитникам «старого слова», но и их противникам — приверженцам Карамзина, писавшим салонным, изысканным языком. Осужденные критиками поэмы простонародные выражения — «басурман», «молчи, пустая голова», «всех удавлю вас бородой», «щекотит ноздри копием» — или сравнение Руслана и Людмилы с петухом и курицей не могли быть приняты Карамзиным, который в известном письме к И. И. Дмитриеву протестовал против употребления слова «парень». Уже «Руслан и Людмила» показывает оригинальность позиций Пушкина в полемике этих лет вокруг вопросов образования языка.

В работах по истории русской литературы начала XIX в. и теперь еще встречаются утверждения, что борьба за демократизацию русского литературного языка нашла выражение в борьбе между Карамзиным и Шишковым. Между тем, несмотря на все противоречия, существовавшие между «старовером» Шишковым и автором «Писем русского путешественника», Карамзиным, оба

они стремились, каждый своими методами, способствовать сохранению существовавшего социального порядка. Борьба между ними явилась своеобразным отражением борьбы различных течений внутри консервативного лагеря. Для того этапа, на котором находилась реконструкция русского литературного языка в конце XVIII и в первые годы XIX в., «реформа» Карамзина сыграла свою поджигательную роль. Но с ростом освободительного движения и более интенсивным развитием борьбы классов идеологическая ограниченность салонного карамзинского стиля стала играть охранительную роль не в меньшей мере, чем литературно-языковая платформа Шишкова, направленная против опрощения и обновления языка. Проблема создания литературного языка на широкой народной основе, единого для различных слоев общества, выдвигала необходимость борьбы на два фронта — и против Шишкова, и против Карамзина.

Во главе этой борьбы и стал Пушкин, добываясь соединения «языка книжной словесности» с «живыми источниками народного слова» на основе языка народа. Попытка этого соединения осуществилась уже в работе над «Русланом и Людмилой». Появление этой поэмы явилось как бы демонстративным выступлением против установленных литературных правил, утверждением молодым поэтом своей творческой самостоятельности, своего права на

независимое ни от каких литературных авторитетов решение вопросов стиля и жанра.

3

Ожидания царского правительства, что Пушкин в ссылке «исправится», не оправдались. По прибытии в Кишинев Пушкин горячо интересуется национально-освободительным движением в Европе (особенно греческим восстанием), тесно сближается с членами Южного общества декабристов, бывает в центре их совещаний — Каменке, знакомится с руководителем этого общества — П. И. Пестелем. «Утро провел я с Пестелем — умный человек, во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю» — записал в своем дневнике Пушкин. Под воздействием революционных идей декабристов Пушкин задумывает историко-политическую драму «Вадим», пишет «Исторические замечания», где дает беспощадную характеристику Екатерины II и Павла I.

В стихотворениях этого периода — «В. Л. Давыдову», «Кинжал» — с особой силой отразились революционные настроения Пушкина, усилившиеся в связи с ростом освободительного движения (восстания в Италии и Испании, брожение в Португалии, Франции, Германии). Сочувствие передовых слоев русского общества вызвал бунт Семеновского

гвардейского полка в 1820 г. В ряде своих стихотворений этого периода Пушкин выразил восторженное ожидание победы революционного движения в Европе и России. Однако Священным союзом при активном участии Александра I всюду были восстановлены старые порядки. Итальянская революция была подавлена австрийскими войсками, а испанская — французскими. Вождь революционного восстания в Испании — Ригго — был казнен. Написанные Пушкиным в 1823—1824 гг. стихотворения «Свободы сеятель пустынный», «Кто, волны, вас остановил», «Недвижный страж дремал», «Сказали раз царю» свидетельствуют, с какой болью переживал Пушкин неудачи освободительного движения в России и на Западе.

Пребывание Пушкина на юге России было ознаменовано новой полосой и в его творческом развитии. В 1820 г., во время путешествия по Кавказу и Крыму с семьей генерала Раевского, Пушкин увлекался чтением Байрона, интерес к которому носил у русских писателей ярко окрашенный политический характер. «Байрон носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием на притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими» — писал друг Пушкина Вяземский, близкий в то время к декабристским кругам. Воспевание Байроном национально-освободительного движения,

резкая антифеодалная направленность его творчества, поэтизация образа разочарованного окружающим обществом мятежного героя делали Байрона «властителем дум» передовых слоев русского общества. Мотивы наполненной социальным протестом поэзии Байрона нашли отражение в поэмах Пушкина «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы».

Эти поэмы, задуманные Пушкиным на юге и написанные в течение 1821—1824 гг., открыли новый период в его творчестве — период романтизма.

«Романтизм — вот первое слово, огласившее пушкинский период» — заметил Белинский. Романтизм сыграл огромную революционизирующую роль в развитии русской литературы, в ниспровержении школьных правил классицизма, в расширении тематических и жанровых рамок поэзии, драматургии, художественной прозы.

В русском романтизме, так же как и в западном, были различные социальные и эстетические направления. Среди романтиков были и революционно настроенные писатели и приверженцы феодально-монархических идей, идеализировавшие средневековые и призывавшие к уходу в мир «мистического откровения». Романтизм последнего типа, нашедший наиболее яркое выражение в немецкой литературе (Новалис, Вагнеродер. Тик и др.), остался

глубоко чуждым Пушкину: его привлекала иная, социально устремленная, действенная струя европейского романтизма (Гете, Шиллер, Байрон). В этом романтизме Пушкина привлекала борьба за народность литературы, за освобождение от правил, стеснявших ее развитие, стремление к раскрытию всего многообразия человеческих переживаний, обращение к источникам народного творчества.

Усваивая революционное содержание поэзии Байрона в процессе создания русской романтической поэмы, Пушкин продолжал разработку возникшей еще в поэзии лицейского периода темы противоречий между личностью и угнетающей ее средой. Этим самым «южные» поэмы связаны со всей поэзией Пушкина не только тематически, но и по линии становления реалистического стиля. С одной стороны, в своих поэмах Пушкин разрушал традиционные до него представления о строгом разделении жанров, соединяя элементы повествования, описания и собственно лирической поэзии; с другой — и в стихотворения он вводил идеологически насыщенный, эмоционально окрашенный пейзаж, лирические монологи и элементы повествовательные. Поэтому вполне уместно говорить не только о романтических поэмах, но и о романтических стихотворениях Пушкина (типичным образом которых является, например, «К морю»). В период создания «южных» поэм

работа над отдельными стихотворениями не являлась для Пушкина чем-то малозначительным, как полагают некоторые исследователи. Созревание романтического стиля в его творчестве было единым процессом, проходившим в работе и над большими и над малыми жанрами.

Пути разрешения противоречий между личностью и окружающим обществом Пушкин видел в реальной жизненной борьбе. Ему был чужд мистицизм, в котором обрели путь к примирению с действительностью многие его современники. Его ум рационалиста, воспитавшегося на философии западных просветителей, не мог видеть за пределами «земной жизни» ничего иного, кроме «ничтожества». И поэтому элегия «Надеждой сладостной младенчески дыша» (1823), в которой лирический герой признается в тщетности своих попыток предаться «пленительной мечте» о мире, «где смерти нет, где нет предрассуждений», оканчивается восхвалением жизни со всеми ее человеческими радостями:

...И долго жить хочу, чтоб долго
образ милый
Таился и пылал в душе моей
унылой!

В 1824 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Беру уроки чистого афеизма... Система не столь утешительная, как обыкно-

венно думают, но, к счастью, более всего правдоподобная». Несомненно, Пушкин верил только в специфическое бессмертие — «бессмертие своих творений». Он не только для себя отвергал путь религиозного смирения, но дискредитировал его и в своих художественных произведениях.

В «безбужной» поэме «Гавриилиада» Пушкин осмелел миф о божественном происхождении Христа. Подчеркнутый эротизм поэмы явился своеобразной формой протеста против ханжества и мистики, процветавших в придворных кругах. Стихотворения, содержащие пародии на мистические образы, — на одном полюсе пушкинского творчества, и лишь несколько стихотворений, содержащих религиозные мотивы, — на другом, с несомненностью показывают, что Пушкин предпочел именно правдоподобную систему системе «утешительной».

Отрицательные стороны романтического метода изображения действительности — его субъективизм, отвлеченность образов, сглаживание противоречий в обрисовке характера — Пушкин сравнительно быстро преодолел. О своих романтических поэмах он впоследствии отзывался с критической трезвостью и ценил в них именно реалистические элементы. «Характер пленника неудачен, — писал он о «Кавказском пленнике», — ...я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям,

эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века...» Наиболее удавшейся частью поэмы Пушкин считал изображение обычаев и нравов черкесов. Реалистические тенденции пушкинского романтизма нашли яркое выражение в последней из «байронических» поэм — в «Цыганах». Эти тенденции преломились и в самой форме поэмы (драматизация повествования) и в содержащейся в ней критике современной Пушкину действительности.

Под влиянием учения Руссо Пушкин воплощает в этой поэме идею «естественной» близости к природе, противопоставляемой развращающему влиянию цивилизации. Но реалистическое мышление заставляет Пушкина отрицать в поэме возможность разрешения конфликта между личностью и общественной средой путем «добровольного изгнания» — простого ухода от этой среды. Яркая и свежая по сравнению с светской жизнью — «как песнь рабов однообразной» — «дикая воля» цыган. Но Алеко, ненавидящий «неволюдушных городов», сам сложился под влиянием этой «неволи», он носит на себе ее клеймо. Он «для себя лишь хочет воли», и его конфликт с мудростью «смирненной вольности детей» неизбежен. Ему, воспитавшемуся в иной среде, нельзя «опроститься», отказаться от основного порока этой среды —

от эгоизма, от желания утвердить свое неписанное «право» хотя бы путем подавления воли других людей.

Этими «правами», сложившимися в обществе, основанном на угнетении человека человеком, мотивируется убийство, совершенное Алеко. Вне изменения основ человеческого общества не могут быть разрешены противоречия жестокой действительности — таков подсказываемый «Цыганами» вывод. И романтическая поэма, в которой с такой красочностью изображены картины вольной жизни людей, признающих лишь «естественные права» человека, оканчивается пессимистическими строками:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Итак, романтическая идеализация как путь примирения жизненных противоречий была отвергнута Пушкиным, как отверг он и религиозное смирение. «Цыганы» можно считать произведением переломным от романтизма к реализму. В своей дальнейшей творческой эволюции Пушкин, через преодоление романтического индивидуализма в изображении героев, приходит к искусству реалистическому. Уже с 1824 г. он пересматривает свое отношение к Байрону. «Односторонности» созданных Байроном характеров он противопоставляет «шекспировское разно-

образие», т. е. шекспировский реализм, основанный на постижении закономерностей конкретной исторической действительности.

4

В 1823 г. Пушкин был переведен на службу в Одессу.

Жизнь Пушкина в Одессе осложнилась конфликтом между Пушкиным и Воронцовым, новороссийским генерал-губернатором, под начальством которого он находился. Этот конфликт носил общественный характер и был вызван пренебрежительным отношением Воронцова к Пушкину, тогда уже известному писателю. «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видит во мне коллежского секретаря, а я, — признаюсь, думаю о себе что-то другое» — писал Пушкин А. Тургеневу. Пушкин мечтал о бегстве за границу, однако осуществить это ему не удалось. По донесению Воронцова его увольняют со службы и в июле 1824 г. отправляют в глухую ссылку, в село Михайловское, под надзор гражданских и духовных властей.

Письма Пушкина из Михайловского полны жалоб на свою судьбу изгнанника. По предложению псковских властей отец Пушкина взял на себя надзор за сыном. Это привело к тяжелым столкновениям между Пушкиным и отцом, в результате

которых Пушкин решил обратиться к губернатору с просьбой о замене ссылки в Михайловском заточением в крепости. Однако вскоре отец Пушкина уехал вместе с семьей. Пушкин остался один, общаясь только с семьей соседки по Михайловскому — П. А. Осиповой. Большую радость доставили Пушкину приезды в Михайловское его друзей — Дельвига и Пущина.

В Михайловском Пушкин усиленно работает над пополнением своего образования. Он много читает (Шекспир, Вальтер Скотт), изучает историю, собирает и записывает народные сказки и песни. Многие из них он слышал от своей няни Арины Родионовны. В оживленной переписке с писателями-декабристами — Рылевым и А. Бестужевым — Пушкин делится своими творческими замыслами, ведет спор о путях развития русской литературы. Многообразные интересы Пушкина отразились в его поэзии, к этому времени достигшей полной своей зрелости. Возраставший интерес Пушкина к темам и образам мировой литературы нашел выражение в «Сцене из Фауста». Пушкин внимательно изучает народное творчество («простонародная» сказка в стихах «Жених»), создает «Подражания Корану». В Михайловском же он пишет стихотворения «Андрей Шенье», «Пророк», «19 октября», «Вакхическая песнь» и другие, а также заканчивает начатую на юге поэму «Цыганы», продолжает работу над

романом в стихах «Евгений Онегин», создает трагедию «Борис Годунов», реалистическую «повесть» в стихах «Граф Нулин».

Творчество Пушкина окончательно определяется как реалистическое. Уже в «Цыганах» Пушкин показал зависимость человека от окружающего общества, осудил эгоизм Алеко, воспитанный в нем светской жизнью. Развернутый показ светской жизни дан в «Евгении Онегине», центральном произведении Пушкина, над которым он работал, в общей сложности, более восьми лет (1823—1831). В «Евгении Онегине» — «энциклопедия русской жизни» (Белинский) — нарисована широкая картина русской действительности начала XIX в., представлена целая галерея типических образов на фоне столичной и провинциальной жизни дворянства. Показывая превосходство основных героев романа — Онегина, Ленского, Татьяны — над окружающей их средой, Пушкин изображает также их неполноценность — плод влияния той же среды. Судьба героев романа (гибель Ленского, угасание Онегина, трагическое завершение судьбы Татьяны) является приговором светскому обществу, которое терпит лишь людей посредственных, исполненных «самолюбивой ничтожности», лишенных созидательного начала. С потрясающей силой изобразил поэт в лирически проникновенных строфах романа, как это общество душило всякие творческие

порывы. калечило лучше, одаренные натуры, порывавшиеся освободиться от его растлевающего влияния, превращало жизнь в унылый, не позволяющий отклонений обряд. Легкая ирония лирических отступлений сменяется скорбной интонацией, когда поэт говорит о безысходности жизни, в которой «свежие мечтанья» истлевают, «как листья осени гнилой». Таковы безутешные предположения поэта о том, что могло ждать безвременного ушедшего из жизни романтика Ленского, который «быть может... для блага мира иль хоть для славы был рожден». Но и этот путь — путь самоотвержения во имя «блага мира» — привел бы Ленского к гибели.

В пропущенной и полностью не дошедшей до нас XXXVIII строфе шестой главы Пушкин уточняет свою мысль. Ленский мог быть «повешен, как Рылеев». Но могло случиться и другое. Может быть, «поэта обыкновенный ждал удел», и, с годами утратив «пыл души», он

Расстался б с музами, женился,
.. Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел...

Итак, в первом случае — смерть, осмысленная как подвиг, который оценит лишь потомство («домчится гимн времен»), во втором — бесцветная и пошлая жизнь Пустяковых, Гвоздиных, Петушковых.

И рядом с этим показаны «преждевременная старость души», «равнодушие к жизни» людей, которые продолжают жить в этой среде, не зная ни цели, ни труда, ни истинных увлечений. Если в «Кавказском пленнике» Пушкину, по его собственному признанию, не удалось типическое изображение «равнодушия», свойственного «молодежи XIX века», то, создавая реалистический образ Онегина, он осуществил это с подлинным блеском. На всем протяжении романа раскрывается во всем своем многообразии это равнодушие, эта покорность уже раз сложившимся нормам поведения. Роковая власть уродливых обычаев и нравов продиктовала дуэль Ленского и Онегина, для которого, несмотря на весь его скептицизм, является решающим мнение таких людей, как Зарецкий:

И вот общественное мненье!
Пружина чести, наш кумир!
И вот, на чем вертится мир!

Апофеозом этого «общественного мненья» и является трагический конец романа. В нем не указан выход из мира липы, лицемерия, пустоты, который неизменно убивал живые порывы героев. Но широкое и правдивое изображение этого мира и судьбы попадающих в сферу его влияния людей с неумолимой логикой подсказывало единственно возможный вывод: «Человек

родится не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумно-законное наслаждение благами бытия, его стремления справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не в человеке, но в обществе. — так как общества, понимаемые в смысле формы человеческого развития, еще далеко не достигли своего идеала» (Белинский).

Несмотря на трагический исход судьбы героев «Евгения Онегина», это произведение не является пессимистическим. Лирические отступления романа пронизаны утверждением жизни, верой в возможность иного, лучшего будущего. Голос самого автора, присутствующего в романе с своими мыслями и чувствами, придает этому произведению особую эмоциональную приподнятость.

В десятой главе Пушкин хотел показать движение декабристов, в круг которых попадает Онегин. Однако, опасаясь возможных полицейских преследований, Пушкин осенью 1830 г. сжег написанные им части главы (возможно, впрочем, что она была написана целиком). Дошедшие до нас отрывки этой главы говорят об огромной политической насыщенности ее.

В процессе создания «Евгения Онегина» Пушкин «еще неясно различал», к какому концу должна привести логика тематических и сюжетных линий, романа, преследуя лишь

цель правдивого рассказа.¹ Весь ход романа, воплотившего все многообразие русской жизни этой эпохи, с новой силой выдвигал вопрос о реальном способе изменения действительности, о движущих силах исторического процесса и его закономерностях.

Пушкин совершил революцию не только в области русского романа, но и в драматургии. «Борисом Годуновым» — первой русской драмой, резко порвавшей с приемами классической трагедии, — открыта новая страница в истории русского театра. В ряде писем, заметок, критических статей Пушкин теоретически обосновал свои драматургические принципы, провозглашая своим учителем Шекспира. «Я твердо уверен, — писал он, — что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина». Смелым был уже самый выбор темы и сюжета. Изображая борьбу царя с боярами и поход самозванца на Москву на широком фоне народного движения, Пушкин сумел показать решающую силу народа в борьбе партий за власть, готовность народа к борьбе за свое освобождение. Новыми были и приемы обрисовки героев, основанные на принципе показа «правдоподобия чувствований в предполагаемых обстоятельствах», и введение в трагедию прозаической речи.

¹ Об истории развития замысла «Евгения Онегина» см. примечания к т. III.

14 декабря 1825 г., после смерти Александра I, в Петербурге произошло восстание декабристов. На престол вступил Николай I, жестоко расправившийся с участниками восстания. Пять главных деятелей движения были повешены, остальные сосланы на каторгу. Пушкин тяжело переживал неудачу восстания и глубоко скорбел о судьбе декабристов, среди которых было много его друзей. «Повешенные повешены, — писал он, — но каторга ста двадцати друзей, братьев, товарищей ужасна».

После разгрома декабристов правительство Николая I, не получив данных о непосредственном участии Пушкина в тайном обществе, решило обезоружить его иным путем. Царь вернул Пушкина из ссылки и объявил ему, что сам будет цензором его произведений. Смысл этой «милости», которая еще больше затрудняла Пушкину работу, раскрывается в донесении Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 г.: «Пушкин порядочный шалопаи, однако, если удастся направить его перо и его разговоры, в этом будет прямая выгода».

Со своей стороны Пушкин готов был «договариваться» с правительством. Он сознавал, что с устраниением декабристов с политической арены ушла та революционная

сила, на которую он рассчитывал и которой помогал пламенным словом поэта. Понимая, что самодержавие победило, идя «на договор» с дарем, Пушкин, однако, не отказался от своих основных идейных убеждений. В письме официального характера, адресованном Жуковскому, он так сформулировал условия своего «договора»: «Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости».

После полного разгрома восстания декабристов Пушкин видел перед собой только одну возможность: воздействовать силой своего творчества на общественное мнение, склонить царя на путь необходимых реформ. Слухи об учреждении в 1826 г. правительственного «секретного комитета» для разработки плана реформ вызвали у Пушкина кратковременные иллюзии о возможности компромисса с царем. Тревога за судьбы родины и горячее желание улучшить положение народа руководило Пушкиным, когда он писал стихотворение «Стансы». В «Стансах» в качестве примера Николаю I приводится деятельность Петра Великого, который

Смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

В стихотворении «Друзьям» Пушкин, в ответ на обвинения в лести, еще раз подчеркнул свое стремление помочь родине, указав, что льстец тот, кто скажет царю:

...презирай народ,
Гнети природы голос нежный!
...просвещения плод
Страстей и воли дух мятежный.

Иными словами: льстец стремился бы говорить именно то, что могло бы понравиться царю. Поучения же Пушкина носили совсем другой характер, и Николай, конечно, отверг их. Реакционная политика царя, непрерывное преследование всех, кто не капитулировал перед самодержавием, быстро рассеяли иллюзии Пушкина. «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» — заметил Пушкин впоследствии в своем дневнике.

Тема Петра — прогрессивного русского царя — приобретает для Пушкина актуальное значение и отражена в ряде его произведений. В поэме «Полтава» (1828) он рисует образ Петра, блестящей победой над шведами в 1709 г. укрепившего мощь русского государства. В 1827 г. Пушкин работает над историческим романом «Арап Петра Великого», в шести написанных главах которого с большой художественной силой изображена ломка Петром старого общественно-бытового уклада, европеизация

России. К образу Петра Пушкин снова возвращается в поэме «Медный всадник» (1833), а в конце своей жизни собирает материал для большого исторического исследования о Петре.

В то же время Пушкин не перестает ощущать свою идейную связь с декабристами. Участь сосланных на каторгу товарищей волнует его. В стихотворении «Стансы» он призывает Николая I быть «незловивым памятью», т. е. простить осужденных. Одновременно со «Стансами» он пишет послание «В Сибирь», на которое декабрист А. Одоевский отозвался революционными стихами «Струн вещей пламенные звуки». Тема декабризма проходит также и в стихотворениях «Арион», «19 октября 1827 г.» и в десятой (сожженной) главе «Евгения Онегина», и в планах романа «Русский Пелам».

После возвращения Пушкина из ссылки царское правительство не ослабляет, но усиливает наблюдение за Пушкиным и цензурный контроль над его произведениями.

Николай I запрещает печатание «Бориса Годунова», издательски предложив ему переделать трагедию «в исторический роман на подобие Вальтера Скотта». Разрешение на печатание трагедии Пушкин получает только в апреле 1830 г., после обращения к Бенкендорфу, по поводу своей женитьбы на Н. Н. Гончаровой, с просьбой

*

выяснить свое «ложное и сомнительное положение». «Сомнительность» положения заключалась в том, что Пушкин находился под секретным полицейским надзором, установленным над ним после политических процессов 1827—1828 г. о его стихотворении «Андрей Шенье» и поэме «Гаврииладда».¹

Положение Пушкина обостряется травлей со стороны «светской черни» и реакционной критики. Отвергая, а зачастую грубо браня наиболее зрелые художественные произведения Пушкина — «Борис Годунов», «Евгений Онегин» и др., реакционная критика предъявляла ему прямые требования включиться в официальное славословие военных кампаний царизма. Эти требования были демонстративно отвергнуты Пушкиным в предисловии к «Путешествию в Арзрум». В ответ на враждебные нападки Пушкин создает ряд произведений, посвященных проблеме роли поэта и независимости искусства от требований светской «толпы» («Чернь», «Поэт», «Поэту», «Ответ Анониму», «Домик к Коломне», «Египетские ночи», «Из Пиндемонти»). Это отстаивание идеи независимости поэзии проводилось Пушкиным с целью защиты права на свободу реалистического творчества.

Некоторые буржуазные критики стремились изобразить Пушкина как художника,

¹ См. примечания к этим произведениям. в тт. I и II.

предпочитавшего «земной суете» служение «чистому искусству». Между тем, ничто ему не было так враждебно, как поэзия прозрачная, туманная, лишенная органических связей с живой жизнью, с постоянной борьбой. Точно так же он не соглашался признать какую бы то ни было ценность за произведениями поэтов, видевших цель искусства в формальной изощренности. Забвение Малерба и Ронсара потомством находит у Пушкина следующее объяснение: «Сии два таланта истощили свои силы в борении с усовершенствованием стиха... Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его, независимой от употребления». И если Пушкин в сонете «Поэту» восклицал:

Ты царь: живи один. Дорогою
свободной
Иди куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых
дум...

то этими обличающими словами он выражал свое презрение к «светской черни», а вовсе не преданность равнодушному к действительности «искусству для искусства».

Выступая против реакционной тенденции официальных литераторов и считая, что «цель» не должна быть введена в

произведение извне, Пушкин прямо отвергал «бесцельные» произведения. Так, на полях «Опытов» Батюшкова против послания к И. М. Муравьеву-Апостолу он отметил: «Цель послания не довольно ясна: недостаточно то, что выполнено прекрасно», а против заключительной строфы стихотворения «Странствователь и домосед» написал: «Конец прекрасен. Но плана нет никакого, цели не видно — все вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.»

6

Несмотря на преследования правительства и травлю со стороны реакционной критики, Пушкин в своем творчестве не шел на компромиссы, отвергал всякого рода официозные «наравоучения» и следовал только своим собственным принципам.

Творчество Пушкина 30-х годов отличается необычайным разнообразием. В эти годы он не только создает крупные стихотворные произведения («Домик в Коломне», «Медный всадник»), но обращается и к художественной прозе. В «Повестях Белкина» он дает зарисовку быта «мелких людей». Чувством человеческого сострадания, гуманизмом, проникнута повесть «Станционный смотритель», звучащая протестом против беззащитности и бесправия низших слоев общества. В неоконченной «Истории села Горюхина» Пушкин дал картину обез-

доленной, разоренной русской деревни. В «Дубровском» он создал типический образ самодура-крепостника Троекурова и показал ненависть крестьян к помещику, в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева» обратился к истории народных движений.

Интерес к истории, возросший у Пушкина в 30-е годы, был вызван его стремлением постигнуть характер русского народа, извлечь из прошлого «уроки» для будущего. «Одна только история народа может объяснить истинное стремление оного» — писал поэт незадолго до смерти. Идея непрерывного общественного развития, противопоставленная догматизму феодально-крепостнической идеологии, пронизывает все исторические произведения Пушкина. В стихотворении «К Вельможе», где, по определению Белинского, дано «изображение целой эпохи в лице одного из замечательных ее представителей», Пушкин говорит об «обороте во всем кругообразном», а в стихотворении «Была пора» вновь указывает на закономерность исторического развития:

...таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он?

Пушкин понимал, что историческому прогрессу враждебна неподвижность, свойственная феодально-крепостническому режиму с его стремлением подавить обще-

ственную активность, затормозить возникновение политической борьбы. «Устойчивость режима — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?» — записал поэт, готовя материалы для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». С точки зрения «бесконечного совершенствования», необходимости и целесообразности рассматривал Пушкин исторические факты. Он выделял основное и существенное, оценивая деятельность исторических личностей, и некоторые из его характеристик поражают своей остротой и диалектичностью. Так, в «Материалах для Истории Петра Великого» Пушкин писал: «Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненные доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика». Глубина этой оценки поразительна, если сопоставить с ней героический образ Петра в «Полтаве» или изображение ломки Петром общественно-бытового уклада и европеизации России в «Арапе Петра Великого» и «Медном всаднике». Но Пушкину в высокой степени было свойственно понимание исторической необходимости и глубоко чужды сен-

тиментальные жалобы. Прогрессивная деятельность Петра, прорубившего «окно в Европу», перекрывала для Пушкина черты «нетерпеливого помещика».

С этой точки зрения в «Медном всаднике» как нельзя лучше раскрывается для нас характер проникающего всю пушкинскую поэзию гуманизма. Гуманизм Пушкина, мечтавшего о политической свободе, ничего общего не имел с «гуманизмом» современных ему сентиментальных мечтателей, занимавшихся бесплодными мечтаниями о «любви к ближнему» для того, чтобы оправдать существовавшие порядки. Гуманизм Пушкина, выросший из желания действительного освобождения человечества, заключал в себе ненависть к угнетателям, признание неизбежности переворотов, если они ведут к историческому прогрессу. Поэтому, изображая в «Медном всаднике» трагичность судьбы «ничтожного героя» Евгения поднявшего безумный бунт против «строителя чудотворного», Пушкин вместе с тем воспел «Петра творенье», так как понимал, что его реформаторской деятельностью ознаменован важный этап на пути преодоления отсталости России. Размышляя о дальнейших судьбах своей родины, Пушкин мечтал о путях ее развития, соответствующих действительным стремлениям народа. Отсюда — интерес Пушкина к разработке тематики народных мятежей и восстаний. Именно тем, что симпатии Пуш-

жина были на стороне народа, определялись творческие поиски Пушкина, его интерес к народному языку и устному народному творчеству. Этим же вызвана его работа над «Борисом Годуновым», в котором впервые в русской драматургии народ был показан как самостоятельная сила.

Наиболее развернуто воплотил Пушкин тему крестьянского восстания в исторической повести «Капитанская дочка». Изучив исторические документы эпохи, побывав в местах, охваченных восстанием, Пушкин с большой проникательностью уяснил социальный характер крестьянского движения, обусловивший успех Пугачева. «Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства... Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» — писал Пушкин в «Общих замечаниях» к «Истории Пугачева».

В противовес официальной традиции, Пушкин изобразил Пугачева с большой симпатией. Не принимая стихийного крестьянского восстания, Пушкин противопоставлял кровавым методом царских усмирителей необходимость гуманного отношения к крестьянству. Уничтожение крепостного права он считал исторически неизбежным.

Пушкин не ограничил свое творчество национальной тематикой. Крушение феодализма и роль народных движений в этом

процессе он показал не только на русском, но и на западноевропейском материале. Раскрывая закономерность гибели феодализма, Пушкин реалистически изобразил и отрицательные явления, вызванные развитием капитализма и возрастанием власти денег («Скупой рыцарь», «Шиковая дама», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен»).

Продолжая работу над преобразованием русской драмы, Пушкин пишет «маленькие трагедии», в которых дает ряд типических характеров, сохраняя исторический, реалистический колорит изображаемых эпох и стран («Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы»). В «Каменном госте» и «Скупом рыцаре» Пушкин дает свое истолкование мировых образов Дон Жуана и Скупого.

Вместе с тем возрастал и интерес Пушкина к народному творчеству. Во время путешествий он записывал сказки и песни, которые потом использовал в своих произведениях (калмыцкая сказка и песни в «Капитанской дочке», песни в «Дубровском», «Русалке» и т. д.). В 30-е годы написаны Пушкиным сказки. По словам Горького, Пушкин, «не искажая народного творчества в угоду государственной идее «народности», лицемерным тенденциям придворных поэтов, украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу». Пушкин «не скрыл, не затушевал», а напротив, «от-

ленил еще более резко насмешливое отрицательное отношение народа к попам и царям» («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о царе Салтане» и др.).

В лирических стихотворениях Пушкина с наивысшей яркостью, воплощены его разносторонность, гуманность, оптимизм, вера в исторический прогресс. Пушкин является непрезойденным мастером реалистического описания природы («Зимнее утро», «Зимняя дорога», «Осень» и мн. др.). Большой социальной насыщенностью отличаются такие стихотворения, как например, «Анчар», «Румяный критик мой»; в последнем стихотворении Пушкин дал правдивое изображение крепостной деревни, проложив путь для поэзии Некрасова.

Важнейшие проблемы общественной жизни и исторического развития, взаимоотношения личности и окружающего общества, изменения действительности на началах гуманизма и социальной справедливости входят не только в крупные произведения, но и в мелкие лирические стихотворения Пушкина не как публицистический привесок, а органически, открывая тем самым новые горизонты всей русской поэзии. Но и так называемые «вечные темы» подняты в его поэзии на огромную художественную высоту, наполнены глубоким гуманистическим содержанием. Его лирика, воплотившая в прекрасных поэтических образах благо-

раживающую силу любви и искренней, освобожденной от эгоистических устремлений дружбы, составляет лучшие страницы мировой поэзии. В разработке темы смерти сказалась вся сила пушкинского оптимизма, преодолевшего трагизм умирания идей исторического развития, преемственности поколений («Брожу ли я вдоль улиц шумных», «...Вновь я посетил», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и др.). Одночество Пушкина, безысходность жизни в царской России породили такие полные трагизма и отчаяния стихотворения, как «Дар напрасный, дар случайный», «Предчувствие», «Не дай мне бог сойти с ума» и др. Но пессимизм Пушкина, порожденный политическими условиями царской России, преодолевался его жизнерадостностью, любовью к жизни.

Между тем, ко второй половине 30-х годов травля Пушкина царем, Бенкендорфом и реакционной дворянской общественностью все более и более усиливалась. «Ни один из русских писателей не притеснен более моего... Я не смею печатать мои сочинения...» — писал Пушкин Бенкендорфу в 1834 г. Николаю I так и не удалось «направить» перо Пушкина: творчество великого поэта оставалось глубоко враждебным существующему строю. Пушкин окончательно убедился в реакционности политики Николая I и в его личном ничтожестве. Пушкин стремится к личной независимости, за-

мышляет отъезд в деревню, но все его планы рушатся. Издевательское награждение его званием камер-юнкера, вызванное желанием царя видеть жену поэта при дворе, вызвало взрыв негодования у Пушкина «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного» — записал он в дневнике.

Пушкин неоднократно пытался создать журнал для выражения своих политических и литературных взглядов. В 1830 г. он активно участвовал в «Литературной газете» Дельвига, в которой напечатал ряд выступлений против агента III отделения, реакционного литератора Булгарина. В 1831 г. Пушкин возбудил вопрос о разрешении издавать политическую газету или журнал, но, получив в 1832 г. разрешение, не воспользовался им, опасаясь попыток правительства навязать новому органу официальную программу. Наконец, в 1836 г. Пушкин предпринял издание журнала «Современник», к участию в котором привлек Гоголя и хотел пригласить Белинского. Но это издание встретило ряд препятствий. Общественно-политический отдел в журнале не был разрешен, цензура запретила ряд статей Пушкина. Ему так и не удалось осуществить намеченную программу журнала.

Последовавшее после 1833 г. дальнейшее обострение конфликта между поэтом и «высшим» обществом нашло разрешение в дуэли между Пушкиным и Дантесом.

Эта дуэль, по существу явившаяся организованным убийством, была подготовлена придворными кругами путем мерзких интриг и оскорбляющих Пушкина и его жену анонимных пасквилей. «В лице Дантеса он [Пушкин] искал или смерти или расправы с целым светским обществом» — говорит один из его современников.

Дуэль состоялась 27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен Дантесом и, проведя в мучениях более суток, скончался 29 января (10 февраля нового стиля).

Царское правительство стремилось скрыть от народа свое преступление и не допустить проявлений народного негодования. Но эти попытки не удались. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта, — писала свидетельница в письме. — Нельзя без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща».

Похороны Пушкина были произведены тайно.

Так самодержавно-крепостническая Россия отомстила величайшему русскому поэту за его служение народу силой правдивого художественного слова. Передовые демократические слои русского общества понимали

политические причины убийства Пушкина. Всенародное возмущение этим преступлением нашло яркое отражение в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», быстро распространившемся в рукописных списках.

7

Поэзия Пушкина отразила все многообразие мира. С исключительной верностью воплотив в своем творчестве русскую действительность со всеми ее противоречиями, он оставил нам образцы художественного проникновения в жизнь и нравы многих стран и народов. «... Как верен его отклик, как чутко его ухо! — писал о Пушкине Гоголь. — В Испании — он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариною времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног; все черты нашей природы в нем отозвались и все окинуто иногда одним словом, одним чутко найденным и метко прибранным прилагательным именем». Древняя Греция, Рим, древний и новый Восток, Англия, Франция, Испания, Италия, Германия, Португалия, Польша входили в кругозор Пушкина-поэта. Недаром критики называли его Протеем за изумительную способность перевоплощения. Достаточно сравнить между собою такие разнородные стихотворения, как «Подра-

жания Корану», «Песни западных славян». «Я здесь, Инезилья», «В прохладе сладостной фонтанов», «Пью за здравие Мери», «Торжество Вакха», «Стамбул гяуры нынче славят», чтобы увидеть, как Пушкин, не удовлетворяясь простым развертыванием темы, стремился воплотить особенности изображаемой страны и эпохи в самом строении стиха, в тонких художественных деталях. Изящная легкость испанской любовной песенки, в которой нет ни одной сложной поэтической фигуры («Я здесь Инезилья») сменяется в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов» на орнаментальный восточный рисунок, где в соответствии с содержанием введено метафорическое развертывание темы. С одинаковой глубиной Пушкин постигал и скульптурную четкость античных образов («Торжество Вакха», «Подражания древним» и др.), и философскую насыщенность арабской поэзии («Подражания Корану»), и лаконичную простоту стихотворения английского поэта Барри Корнуола «Пью за здравие Мери».

В борьбе за реалистический стиль Пушкин перерабатывал все самое лучшее, живое, прогрессивное в русской и мировой культуре. В первые годы своего творчества, опираясь на достижения поэзии Жуковского и Батюшкова, он учится у них «гармонической точности», музыке стиха, оставаясь чуждым как мистической мечтательности

первого, так и условности поэтического языка второго. У французских просветителей он заимствует их прогрессивный рационализм, критицизм и понимание огромного общественно-воспитательного значения искусства. В Байроне его привлекает наполненный острым социальным протестом романтизм, но отталкивает однообразие характеров. Английских поэтов «современной школы» он ценит за произведения, которые «исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простодушия», Валтер Скотта — за реалистические принципы воспроизведения исторической действительности, у Шекспира учится изображению «истинных страстей, правдоподобия чувствований в предполагаемых обстоятельствах», «вольному и широкому изображению характеров». Вместе с тем он постоянно обращается к «свежим вымыслам народным» и к фольклору (не только русскому, но и западноевропейскому), противопоставляя демократизм и художественную простоту народного творчества «жеманной», «напыщенной», аристократической литературе.

Именно при изучении интернационализма творчества Пушкина раскрывается вся глубина трактовки им понятия народности искусств. «Климат, образ правления, вера — дают каждому народу особенную физиономию, которая более и менее

отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» — писал он в заметке «О народности в литературе». Это понимание народности нашло отражение и в его работе над созданием стихотворного языка. Такие произведения, как «Жених», «Телега жизни», «Песни о Стеньке Разине», «Утопленник», «Бесы», «Румяный критик мой», «Песни западных славян», «Гусар», «Воевода», являются великолепным подтверждением слов Пушкина: «Велушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдешь в наших журналах».

Значение пушкинской поэзии в борьбе за народность литературы заключается не только в том, что в них смело употреблялись «простонародные» слова и выражения. Осваивая народный язык, Пушкин стремился к замене принятых в поэзии его времени «гладких», «манерных», «изысканных» слов и выражений «прелестью нагой простоты», свободной от «условных украшений стихотворства». По существу это сводилось к борьбе за реалистическое изображение действительности, противоположное стремлению дворянских поэтов XVIII в. сглаживать противоречия, приукрашивать изображаемое. Отсюда понятна любовь Пушкина к «точности». «Точность» Пушкина заключается в стремлении к достижению полного соответствия

художественного образа с изображаемой действительностью. Поэтому пушкинские стихи так насыщены эпитетами, определяющими и уточняющими признаки явлений. Высокая простота и ясность пушкинского поэтического языка чувствуется даже в сложнейших метафорах и образах.

Советская литература может многому учиться у Пушкина. Глубоко поучителен весь его жизненный и творческий путь, проникнутый сознательным стремлением к созданию правдивого, понятного народу искусства. В свои поэмы он, в противовес «героическим» поэмам классицизма, вводил в качестве героя обыкновенного человека, с его чувствами и переживаниями. Работу над трагедией «Борис Годунов» он осмыслил с точки зрения необходимости поворота в русской драматургии от придворной трагедии к трагедии подлинно народной. «Евгением Онегиным» — романом в стихах — начал великий путь русского реалистического романа. Своими «простонародными» стихотворениями и сказками он боролся за освобождение русской поэзии от псевдонародного мистического романтизма, за приобщение ее к «живым источникам народного слова». Создавая свои художественные произведения, Пушкин стремился подчинить все изобразительные средства идейным заданиям. Он презрительно отзывался о французских романтиках 20—30-х годов, обращавших особое внимание на форму своих произведений,

не заботясь об их содержании. С исключительной добросовестностью собирал он материалы для своих произведений, деятельно изучая окружающую действительность, посещая исторические места, находившие отражение в его произведениях. Его творчество, многообразное и по тематике и по жанрам, представляющее собой синтез лучших достижений мировой культуры, проникнуто пламенной верой в победу прогресса над всеми силами старого мира. С огромным вниманием и любовью относился он к народному творчеству, видя в нем неиссякаемый источник вдохновения. Наконец, и к самому творческому процессу Пушкин относился как подлинный реалист. В то время как многие его современники считали художественное творчество лишь плодом спускошедшего с неба вдохновения, он подчеркивал решающее значение упорного труда.

Высокая ответственность Пушкина за каждое слово, неустанное совершенствование мельчайших деталей в своих произведениях являются достойным примером для наших поэтов. Он не печатал ни одного произведения, которое в какой бы то ни было степени не удовлетворяло бы его требованиям взыскательного художника. Все эти черты, характерные для Пушкина-поэта, являются чрезвычайно близкими задачам нашей советской литературы, призванной отразить величие социалистической эпохи. Недаром М. Горький призывал не только начинаю-

щих, но и вполне сложившихся поэтов постоянно учиться у Пушкина, «до сего дня никем не превзойденного ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли».

Вся жизнь Пушкина была посвящена труду, без которого, как он говорил, «нет истинно великого». Окруженный толпой врагов, которые не могли простить ему смелую независимость, с каждым годом все острее ощущая социальное одиночество, сдавленный железным контролем Николая I и дворцовой своры, он не сдался, не отступил и до конца продолжал следовать своей «дорогою свободной». Он знал, что его подвиг смогут оценить лишь будущие поколения и для них создавал свои бессмертные произведения. В начале своего творческого пути он восклицал в одном из стихотворений:

Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?

А незадолго до смерти, как бы подводя итог своей деятельности, выразил твердую уверенность в том, что к нему «не зарастет народная тропа» и имя его назовет и внук славян, и финн, и тунгус, и калмык.

Мечта Пушкина о «нерукотворном памятнике» воплотилась в жизнь только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда произведения его стали до-

ступны всем народам нашей необъятной страны. Жизнеутверждающая поэзия Пушкина волнует нас как напоминание о взорванной революцией «тюрьме народов» и как призыв к завоеванию новых побед в борьбе за счастье человечества.

Б. Мейлах

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо,
чернилы,

Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединишь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды¹
Сокрыт другой отец второй «Тилимахиды».
Страшися участия бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива:
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, если Аполлон.
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной дозою?

¹ Т. е. в школе.

Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь

запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
«Послушайте, — сказал священник

мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте;
Живите хорошо, а мне не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пнит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе
наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет;
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным —
лучше вдвое.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и роши,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень
дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вокруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм, и луг;
Здесь, вижу, с тополлом сплелась младая ива
И отразилась в кристале зыбких вод,
Царицей среди полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Промчались навсегда те времена золотые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом росс
вещает:

«Исчезло всё, великой нет!»
И в думу углублен, над злачными берегами,
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух;
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились:
Кругом подножия, шума, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.

О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен:
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о русски исполины,
В боях воспитанны среди бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцов и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя.
Восстал вселенной бич — и вскоре новой
брани

Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне
глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,

Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздалась!.. Идут в дали туманной!
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар, и млад; летят на
дерзновенных,

Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час падения!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель: иль победить, иль пасть в пылу
сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеяя ратниками дол,
За строем строй течет; все местью, славой
дышут,

Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы
свищут,

И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл,
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый.
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости предель!
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны,
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и
жизни...
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва, сколь русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились
башен,

Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала,
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.

В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,

А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильныя племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх, о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть
троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдалении,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь
прольется,
И струны гордые посыплют огонь в сердца
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих!
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее мапить напрасно будешь!
Стыд вечный мне вина моя —
Меня на веки ты забудешь...
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»

Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной!

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волнением сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила —
И скрылась в темноте ночной.

ЛИЦИНИЮ

(С латинского)

Лициний, зришь ли ты: на быстрой
колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину
клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелесгниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремится усердный
взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья:
И дети малые, и старцы в седицах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.
О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизны стыд моей,
Развратный юноша вошел в совет мужей;

Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий — римлян царь!.. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг истины,

Дамет!» —

«Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».
Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смирненно поклонясь фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам
проститься,

Где всё продажное: законы, правота
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в иаему ловит сеть!
Нам стыдно слабости, с морщинами, иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселый:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож,
Корнелий

Торгуют подлостью и с дерзостным делом
От знатных к богачам ползут из дома
в дом!

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!

Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волнения,
Под старость отдохнем в глуши уединенья.
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.
О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья,

наказанья.

Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани.
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груди камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

4816

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утрайте вечер скоротечный:
И вашей радости беспечной
Сквозь слёзы улыбнуся я.

4816

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живетсЯ нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с
бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

1817

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Всегда беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны

И не ползу в асессора.
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

4817

К ОГАРЕВОЙ,
КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТ ПРИСЛАЛ
ПЛОДОВ ИЗ СВОЕГО САДА

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что будто сам он бог садов.

Чему дивиться тут? Харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встрета взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

4817

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы.
Мы присядем на порог,
У пафосския царицы
Свежий выпросим венки,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд,
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут;
Смертный миг наш будет светел:
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

1817

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны, и тимпан?
Что значат радостные лики,
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венки.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус, мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Нелицемерно хвалой.
Эван, эвое! Дайте чаши,
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он, вот Вахк! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его молодые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры,
И гимны в честь ему поют.
За ним теснятся козлоногий

И фавнов, и сатиров рой;
Плющом опуганы их роги;
Бегут смятенной толпой
Вослед за быстрой колесницей:
Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкой своей;
Тот оступившись упадет
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход:
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,
Подарок Вакха дорогой.

Но вост берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят и вторят их ужасным голосам.
Промчались, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут дуг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вождельем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движения
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое, а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались по холмам и полям;
Махая тирсами несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струю пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

1817

Пушкин-лицеист
Гравюра Е. Гейтмана (1822 г.)

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неводи немощные слезы;
Везде несправедная власть

В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользят

И преступленье с высока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа —
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства.

Главой развенчанной принял
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1847

СКАЗКИ

Noël

Ура! в Россию скачет
Кочующий десёт.
Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел и пил, и обещал —
И делом не измучен.

Узнай еще, в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи

И людям все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

▲ мать ему: «Бай-бай! закрой свои тьм глазки;
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»

1818

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе Младость,
Утешится безмолвная Печаль
И резвая задумается Радость.

1818

ЮРЬЕВУ

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды,
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы младой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг!
Пуškai, желаний пылких чуждый.
Ты поцелуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских
На легких играх Терпсихоры.
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивой,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой
А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взросленный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

НА Н. М. КАРАМЗИНА

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

1818

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДУ

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготее надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой.
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном октября:

С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток

На лоне счастья и забвенья!

Я твой — я променял порочный двор пирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу
размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины.
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Ропщанью не внимать толпы непросвещенной,

Участьем отвечать застенчивой мольбе

И не завидовать судьбе

Злодея или глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!

В уединеньи величавом

Слышнее ваш отрадный глас;

Он гонит лени сон угрюмый,

К трудам рождает жар во мне,

И ваши творческие думы

В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор

Друг человечества печально замечает

Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стона,

На пагубу людей избранное судьбой,

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,

Присвоило себе насильственной лозой

И труд, и собственность, и время земледельца.

С поникшею главой, покорствуя бичам,

Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,

Надежд и склонностей в душе питать не смея,

Здесь девы юные цветут

Для прихоти бесчувственной злодея;

Опора милая стареющих отцов,

Младые сыновья, товарищи трудов,

Из хижины родной идут собой умножить

Дворовые толпы измученных рабов.

О, если б голос мой умел сердца тревожить!

Почто в груди моей горит бесплодный жар

И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

1819

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл,
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубровы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны,
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,

Выходит женщина нагая,
И молча села у брегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг падучею звездю
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день:
Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.
Дубровы вновь оделись тьмою,
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!..»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,

А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

4319

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял,
И на лампаду Эпиктета
Златой Горадиев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, баюя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремяшки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

4849

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

4820

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны золотые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись.
Желанья гасли вдруг и снова разгорались.
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

4820

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет, свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

4820

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А дарю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести —
Кто ж он, «преданный без лести»? —
Б... грошевой солдат.

1820

НА ФОТНЯ

Полуфанатик, полуплут;
Его орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полублагих, полусвятых.

1820

Погагло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал; и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбалясь,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость

И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отчески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златия,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

ЧААДАЕВУ

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждавшим богам
Дымилась жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

. . . . .
Чаадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень, и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

4820

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

63

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поделуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

1820

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис.
И сладостно шумят полуденные волны.
Там, некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижину сходила ночи тень,
И дева юная во мгле тебя искала,
И именем своим подругам называла.

4820

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет, —
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут,
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы:
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на углу он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

4824

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

1821

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семистольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным
дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1831

В. Л. ДАВИДОВУ

Меж тем, как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея, —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем, как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками Ан
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях, тиран собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России...
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Поцусь, молюсь и твердо верю,

Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говест Инзов, и намедни
Я променял Вольтера бредни
И лиру, грешный дар судьбы.
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однакож гордый мой рассудок
Меня порядочно бранит,
А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит...
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит
Иль кло д'вужо, тогда б ни слова,
А то — подумать, так смешно —
С водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей,
И за здоровье гех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

1821

ЧААДАЕВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев — пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце
дремлет

И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел о них;
Вздыхнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений;
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне,
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;

Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще неизвестный никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пенем оглашал приют забав и лени
И дарскосельские хранительные сени.
Но дружбы нет со мной: печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежнее лета
Развратом изумил четыре части света,

Но просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор;
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов.
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов,
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прошел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь:
К печалю я привык, расцелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О, скоро ли, мой друг, настанет срок

разлуки?

Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосед
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я: по только, ради бога,
Гони ты Шепшинга от нашего порога.

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело, синяя, блещут воды
И пышные ласкают берега,
Где на холмы, под лавровые своды,
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! любимый край Эльвины,
Туда летят желанья мои!
Я помню гор высокие вершины
И беглых вод веселые струи,
И тень, и шум, и красные долины,
Где бедные простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной!

И шелковиц, и тополей прохлада,
В тени олив уснувшие стада,
Вокруг домов решетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
Прилива шум и говор водопада,
И средь валов летучие суда,
И яркие лучи златого Феба,
И синий свод полуденного неба.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долготу любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный;
Но если я любим, позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной.
Когда меня навек обьет смертный сон,
Над урною моей промолви с умилением:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен, и любви последним вдохновеньем.

1821

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в
наслажденье,

Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,

Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?

Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем
содрогнешься;

Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви, быть может, ужаснешься,
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

1821

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный
Могучий баловень побед:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных воли!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почилла,
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,

И валагал ярем державный
Ты на земные племена.

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир,
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел;
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой,

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил —
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил;

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,

На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се! — в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор.

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежит Европы ополченье;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё как буря закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немеиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душевного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,

Один, один, о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

1821.

ВОЙНА

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.
Всё ново будет мне: простая сень шатра
Огни врагов, их чуждое званье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев,
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому
стремленье,
Воспоминание и брата, и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,

И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой.
И тягостная лень душою овладела..

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?..

1821

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил:
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою:
Я видел твой корабль игралищем валов,
И якорь, вверженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают,
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе
превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни
ратной,

Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге проводить беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем

И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе

пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гневный бог досель неумолим,
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнюю мольбой смягчая рок ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к Италии
прекрасной!»

Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству
передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних

бурь-
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там: а с вешней теплотой
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг,
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым

вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься: не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец
Безвестен буду я для новых поколений:
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнью, с минутною молвой!..
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный:
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал:
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

1821

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней:
Тогда изгнанием и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1821

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь
ревучий

Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий знак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

1821

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремяшкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон;
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осеняя твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

1821

ДРУЗЬЯМ

Ечера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так, музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал.

Меня сместила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший ^{весь} век.

И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня». —

«Волхвы не бояся могучих владык,
А княжеский дар им не пужен;
Правдив и свободен их вещей язык,
И с волей небесною дружен.

Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов,
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод, и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный
слуга,
Расстаться настало зам время:

Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под узды отведелите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ, — промолвил
Олег, —

Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлют ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!»

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запенясь шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени, легкою толпой,
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной,
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...
Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

Я. Н. ТОЛСТОМУ

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство;
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.

Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

1822

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

ГРЕЦАНКЕ

Ты рождена воспламенить
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи: когда певец Леплы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел как во сне.
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине.
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь к его плечу...

Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустною томим,
Боюсь, неверно всё, что мило.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,

Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью
ложной,

Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели я знаю каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный
толкователь,

Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глушую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встретит:
Кто английский роман с французского
преложит,

Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шута —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так — цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить: Руссо, Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его желанье;
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утраги в них, ищи ее сначала,
Или вымарывая из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его
священный:

Он должен ум иметь прямой и просвещенный,
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и прав
Не преступает сам начертанных уставов;
Заколу преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знанью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты
с нами?

Где должно б умствовать, ты хлопаешь
глазами;

Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру — пасквилом, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежом, Куницына — Маратом,
Решил — а там поди, хоть на тебя проси.

Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе;
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и русский ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы...
О варвар! Кто из нас, владельцев русской
лиры,

Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между душ.
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца «Пиров», столь чистый,
благородный —

Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косою, неверный взгляд,
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд нисколько не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему,
Тот не знаком тебе, мы знаем почему,
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей, разгуливает в свете.
Барков шутивных од к тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.

Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины:
Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем:
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной
лиры

Их горделивые разоблачил кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они.
Кто ж в этом виноват? перед тобой

зерцало —
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать,
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец.
Исправься ж: будь умней и примирился с нами.

«Всё правда, — скажешь ты, — не стану
спорить с вами;

Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу...
На всё есть мода, вкус: бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо,

Вольтер,

А нынче и Миллот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети...»

Жена и дети, друг, поверь, большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

1822

Слова поэта

1. 30 января

мы слыш за шумом в
Воскресенье в 10 часов утра
Моя супруга поехала, нашла убогого,
Пробудил меня в 10 часов утра

Воскресенье в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра

Ваша супруга пришла в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра
Ваша супруга пришла в 10 часов утра

Ваша супруга пришла в 10 часов утра

Автограф стихотворения «Физик»

Ф. ГЛИНКЕ

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм;
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнании позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид!

1822

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым
боем

Назначила кровавой чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил.
Но знамя черное свободой восшумело.
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

4822

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью,
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

4823

Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

1825

Пзыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды..

Паситесь, мирные народы!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

1825

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1825

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
Могилу пережив, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,
Клянусь! давно бы я покинул мрачный мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
Узнал бы я предел свободы, наслаждений,
Предел, где смерти нет, где нет

предрассуждений,
Где мысль одна живет в небесной чистоте.
Но тщетно предаюсь пленительной мечте.
Мой ум упорствует, не верит, жить желает,
Меня ничтожеством могила ужасает.
Как! ничего? — ни мысль, ни первая

любовь...
Мне страшно, — и на жизнь гляжу печально
вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таялся и пылал в душе моей унылой!

1825

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремл.
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, — седое время —
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу,
Мы рады голову сломать
И, презирая лемь и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней.
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

1825

ИНОСТРАНКЕ

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу;
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

1824

НА ГР. М. С. ВОРОНЦОВА

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что полным будет наконец.

1824

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не беззащитным рифмачам
Готовлю язву эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты!
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята-подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда,
Но, если же кого забуду,
Прошу напомнить, господи!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

1824

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,

Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит, и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливица за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливцев отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

К ЯЗЫКОВУ

(Михайловское, 1824 г.)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой.
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.

В деревне, где Петра питомец,
Царей, царя любимый раб
И их забытый однодomeц,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденных летах
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит.
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

КНИГОПРОДАВЕЦ

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТ

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,

Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволга напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой;
Так точно, в гордости немой,

От взоров черни лицемерной
Дары любвицы молодой
Хранит любовник суеверный.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем, как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

ПОЭТ

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦ

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил:
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь завиден ваш удел:

Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любвицу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит;
Для них пишите; их ушам
Приятна лесь Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

ПОЭТ

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я средь бури жизни шумной
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои,
Но полно; в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стои лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье —

Для них и чуждо, и смешно.
Когда на память мне неволью
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Заставил не устыдиться?

КНИГОПРОДАВЕЦ

Люблю ваш гнев. Таков поэт?
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы.

ПОЭТ

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? Какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?

Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем.
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излишня,
Как божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

ПОЭТ

Свободу.

Прекрасно. Вот же вам совет;
 Внемлите истине полезной:
 Наш век торгаш; в сей век железный
 Без денег и свободы нет.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхом рубище певца.
 Нам нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье,
 Но вас я знаю, господа:
 Вам ваше дорого творенье
 Пока на пламени труда
 Кишит, бурлит воображенье;
 Оно застынет, и тогда
 Постыло вам и сочиненье.
 Позвольте просто вам сказать:
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что ж медлить? Уж ко мне заходят
 Нетерпеливые чтецы;
 Вкруг лавки журналисты бродят,
 За ними тощие певцы:
 Кто просит пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера;
 И, признаюсь, от вашей лиры
 Предвижу много я добра.

ПОЭТ

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
 В последний раз передо мной
 Ты катишь волны голубые
 И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
 Как зов его в прощальный час,
 Твой грустный шум, твой шум
 призывный
 Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
 Как часто по берегам твоим
 Бродил я тихий и туманный,
 Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
 Глухие звуки, бездны глас
 И тишину в вечерний час,
 И своенравные порывы!

Смиранный парус рыбаей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользит отважно средь зыбей,

Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в холодный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался геній,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн.

4824

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует извительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою;
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданиях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накиннул ты
И сонного врагу предал со смехом,

И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором:
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

144

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1824

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1824.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ ¹

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: ²

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

*

II

О жены чистые пророка,
 От всех вы жен отличены:
 Страшна для вас и тень порока.
 Под сладкой сенью тишины
 Живите скромно: вам пристало
 Безбрачной девы покрывало.
 Храните верные сердца
 Для нег законных и стыдливых,
 Да взор лукавый нечестивых
 Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
 Стекаясь к вечери его,
 Брегитесь суетами света
 Смутьить пророка моего.
 В пареньи дум благочестивых,
 Не любит он велеречивых
 И слов нескромных и пустых:
 Почтите пир его смиреньем,
 И целомудренным склоненьем
 Его невольниц молодых.³

III

Смутясь, нахмурился пророк,
 Слепца послышав приближенья:⁴
 Бежит, да не дерзнет порок
 Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
 Тебе, пророк, не для строитивых;

Спокойно возвещай Коран,
 Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
 За то ль, что наг на свет явился,
 Что дышит он недолгий век,
 Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
 И воскресит его по воле?
 Что с неба дни его хранит
 И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
 И хлеб, и финик, и оливу,
 Благословив его труды
 И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
 На землю гром небесный грянет:
 И брат от брата побежит,
 И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
 Обезображенные страхом:
 И нечестивые падут,
 Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всеильный,
 Могучий состязаться мнил,
 Безумной гордостью обильный:

Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую.
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его.

v

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.⁵

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи:
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран.
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою, с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Неотравляемом ничем.

VII

Встань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаенье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут, господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноим, и пылью тягчимые очи
С тоской безнадёжной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы:
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: «Уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра».

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Примечания

¹ «Нечестивые, — пишет Магомет (глава *Награды*), — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги «*Слепец*».

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗУРУ

На скользком поприще Тимковского
наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний
собеседник.

Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпех.
Теперь в моей глуши журналы раздирая
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним замета вдруг
В тебе и правила и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный*.
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж господу Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
И права твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,

Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменою сего.
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам, друг чести, друг
народа.

Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господе, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещение.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою
превосходный,

И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были ввержены, печальные науки!
Цензура! Вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.

Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но сам не зная как, ты видно устоял.
Итак я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить:

Будь строг, но будь умен. Не просят
у тебя,

Чтоб все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, и смело подпиши.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

1824

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удушен.
«Я очень рад, — сказал усердный

льстец: —

От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

1824

Ты вынешь и молчишь; печаль тебя сдает;
На девственных устах улыбка замирает
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и, как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными? .. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты тайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует козем по прихоти своей.

1824

ПРИЗНАНИЕ

К А. И. Осиповой

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный:
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада:
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пядями прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —

Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1824

К **

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я,
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

1824

Пушкой увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто монх не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной.
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

1824

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовый профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

1824

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас,
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу неожиданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

1825

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она
велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий
дым

Вясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел
милый,

Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...
1825

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья,
Иль покровительства позор.

1825

ОДА

ЕГО СНЯТ. ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

Султан ярится.¹ Кровь Эллады
И резвоскачет² и кипит.
Открылись грекам древни клады,³
Трепещет в Стиксе лютый Питт.⁴
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Сей Бейрон, Феба образец,
Притек — но недуг быстропарный,⁵
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти, на него ревец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там
Где от крови земля промокла;
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Байроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.

Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть —
Никак! Ты с верною супругой⁴
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен —
И в шалостях ты впрямь певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Вослед пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу,⁷
И да блюдут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вахх, Харон.

Примечания

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуместь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. В многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последнее замечание к Оде: «Заздравный Кубок»).

⁷ Подражание Его Высокопр. Действ. Тайн. Сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу Гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уж из отеческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбається ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подбегает за здоровьем его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вахх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

«Как! жив еще курилка журналист?» —
«Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку». —
«Фу! надоел курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить курилку моего?
Дай мне совет». — «Да... плюнуть на него».

1825

EX UNGUE LEONEM

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

1825

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Расвскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait. . .

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильную сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет. ¹

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развевал пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластную бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга
Перерождение земли. [полный,
Уже сиял твой мудрый геней,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников всходили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил
равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа;
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщенем и славой,
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар
освященный,

Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Ваххом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим.
Так — он найдет тебя. Под сенью равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет.
Так, буря мрачная минет!

Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где проводжали
Мы дни беспечные в науках и в пирах,
И место наших урн заране назначали.

Но, друзья, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье.
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;

В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни,²
Молю, найдите их; невинной музы даны
Сберегите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных
творений;

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: «Это он;
Вот речь его». А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо, и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя,³
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных
искушений,

Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незпно воспалюсь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гнев;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала —
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злора, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприсе с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми
конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...

О, нет!

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславленных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-Эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай,
бесбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек
Падешь, тиран! Негодование
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарёю,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды

нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Пстой, пстой; день только, день
один:

И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа.⁵
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.⁶
Вот плаха. Он взшел. Он славу именует...⁷
Плачь, муза, плачь!..

Примечания

¹ Comme un dernier rayon, comme
un dernier zéphyre
Anume le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie
encore ma lyre.

(Y. Les derniers vers d'André Chénier)

² У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mystères (El. 1.): один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch.
Voyez les odes qui lui sont adressées.

³ И узница моя.

La jeune Captive (Mlle de Coigny).

⁴ Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnerait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche)

⁵ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с А. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche)

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: Pourtant j'avais quelque chose là.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день

разлуки

Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим

Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты
мною

Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825

К А. П. КЕРН

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать,
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодецком.

Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит
И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова
И более ни слова.

На утро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный».

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,

А как боярин, между тем,
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обняжком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец; —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья,
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите». —

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Жених. «А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день, и ночь я плачу.
Недобрый сон меня крушит».

Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней; стучу — молчат Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде серебро да золото,
Всё светло и богато».

Жених. «А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Невеста. «Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.

Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених. «А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста. «Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу:
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих.
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

1825

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило.

1825

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!

На звонкое дно

В густое вино

Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред солнцем бессмертным ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле,
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуочных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечтались тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,

Всё те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой преданся нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен
строгой;

Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный

Под бурею главой поник я томной,
И ждал тебя, вешун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я трагил без
вниманья,

Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами
было,
Мой брат родной по музе, по судьбе!

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу рдеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет:

Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицей
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

1825

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

1825

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как сница
Тихо за морем жила;

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

1825

208

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофиль.

ФАУСТ

Мне скучно, бес.

МЕФИСТОФИЛЬ

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот наслаждался через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

ФАУСТ

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

МЕФИСТОФИЛЬ

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.

14 А. Пушкин, т. I 209

В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, понзи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам, и к духам,
И что же? всё попустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

ФАУСТ

Перестань,
Не растривай мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет, —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный

Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетание
Двух душ...

МЕФИСТОФИЛЬ

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

ФАУСТ

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум
древесный,
Где сладко-звонкие струн —
Там, на груди ее прелестной
Покою томную главу,
Я счастлив был...

МЕФИСТОФИЛЬ

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой.

Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

ФАУСТ

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФЕЛЬ

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,

Насытись ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

ФАУСТ

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

МЕФИСТОФЕЛЬ

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

ФАУСТ

Что там белесет? говори.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки золота,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

ФАУСТ

Всё утопить.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Сейчас.

(Исчезает.)

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковой тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец...

Не славь его: в наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не каастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не холодной льется влагой.
Но пенится хмельною брагой;
Она размывчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1826

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодцы.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная.
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые —
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая:
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.
 Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 «Отдай, Стенька Разин,
 Отдай с плеча шубу!
 Отдашь, так спасибо;
 Не отдашь — повешу
 Что во чистом поле,
 На зеленом дубе
 Да в собачьей шубе».
 Стал Стенька Разин
 Думати думу:
 «Добро, воевода.
 Возьми себе шубу.
 Возьми себе шубу,
 Да не было б шуму».

Что не конский топ, не людская мольь,
 Не труба трубача с поля слышится,
 А погодушка свищет, гудит,
 Свищет, гудит, заливаётся.
 Зазывает меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по синему:
 «Молодец удалой, ты разбойник лихой,
 Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
 Ты садись на ладьи свои скорые,
 Распусти паруса полотняные,
 Побегни по морю, по синему.
 Пригоню тебе три кораблика:
 На первом корабле красно золото,
 На втором корабле чисто серебро,
 На третьем корабле душа-девица».

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещные зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал.

И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг
бесценный!

И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

1826

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не нагляжась.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и

дремлет.

Не так ли ты поешь для холодной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь — она цветет; взываешь — нет

ответа.

1827

Какая ночь! мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё тёмно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит полна вчерашней казни,
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы,
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груди пепла тлеют,
На колях скорчась мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон
Струею тощий снег багрила,
И подымался томный стон,

Но смерть уже, как поздний сон,
Свою добычу захватила.

Кто там? Чей конь во весь спор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..» Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местною горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

1827

АНГЕЛ

Вдверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты не даром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

1827

АРФОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склоняясь, наш кормщик
умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ, холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья поля,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморью плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827

19 ОКТЯБРЯ 1827 г.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы.
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

1827

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,

В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827

ЧЕРЕП

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну, словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен впрочем был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он ценить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать о Лотхен или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуцмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточных лексикона

Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чудане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет:
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображение
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдеским богом:
Он будет дружбы мне залогом»

И до моих последних дней
Красой обители моей.
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сон почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово.
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галлерей гробовой,
И с ним преступный кистер мой.
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;

Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны..

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастно похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделе гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу,
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный, иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

4827

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи.
Когда грозою грянут тучи.
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье,
Прощай надежда, спи желанье,
Храни меня, мой талисман.

4827

ЗОЛОТО И БУЛАТ

Всё мое», — сказала золото;
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказала золото;
«Всё возьму», — сказал булат.

4827

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

4827

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Подад — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Его хвалой не воспую?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав-
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Гнети природы голос нежный!
Он скажет: просвещенья плод —
Страстей и воли дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный
день,

И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и прокличаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.¹

4828

¹ В черновой рукописи стихотворение продолжено — см. стр. 441. *Ред.*

26 мая 1828.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Кобыльица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

4828

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

4828

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный:
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти:

И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИКЪ

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца». —
«Врите, врите, бесснята, —
Заворчал на них отец: —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам уже мертвец!»

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец? — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,

Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец, —

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой.
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воеет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окне стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Кави?»

Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул;
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролёт,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракистой
Богатырь лежит убитый

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого».

ЕЕ ГЛАЗА

В ответ на стихи князя Вяземского

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество:
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

1838

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,

¹ Древо ада.

С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani!

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел, а холодный и надменный,
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит!
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато, как ветер, и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

ПОЭТ

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;

Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

ЧЕРНЬ

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

ПОЭТ

Подите прочь, — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных

Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А неисправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

4828

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

4828

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым птенцы Саади:
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы растилялись
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой
Так хитро сказок и стихов, —

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Ушываясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

КАЛМЫЧЕЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: «Ma dov'è»,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого.
Что не любить оно не может.

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике..
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

4829

(Лагерь при Ефрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит,
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

4829

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись
вершины,

Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них низвергаясь, шумят
водопады;

Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным
стремнинам,

И пастырь нисходит к веселым
долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.¹

---

¹ В черновой рукописи сохранился набросок продолжения:

Так буйную вольность Заковы теснят,
Так лкое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

1829

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки оболею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И гелятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

4829

Как сатирой безымянной
Лик Зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В получении оплеухи
Расписался мой дурак?

4829

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ронцет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних воли упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудю лежал,
И Терек злой под ним бежал
И пылью вод,

И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол
Небес жилец.

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимпа и Пинда, и Фермопилы.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

1829

2 ноября.

Зима. Что делать нам в деревне? Я
встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными
глазами;

Кружимся, рыскаем и позднее уж порой
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга вост,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ност;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею
странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.

Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за пашками сажу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запретить?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

Не случилось паладину —
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, mater Dei, кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coeli, Sancta Rosa!
Восклидал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он.

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел.

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то? Эй,
розгу!»

За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

4829

Грожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?

Или соседняя должна
Мой примет охладельный прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья —
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

4829

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

4830

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

1850

В часы забав или праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поразал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

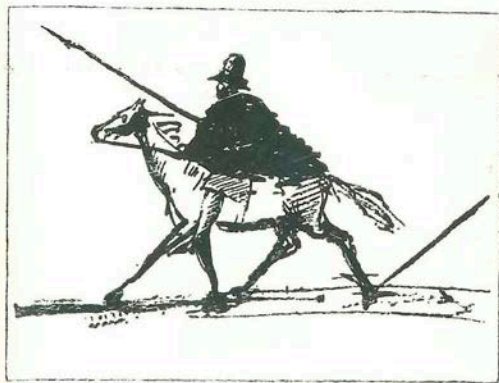
1850

Нет, я не дорожу мятежным
наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством,
исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, внясь в моих объятиях эмсэй,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О как милее ты, смиренница моя,
О как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь

ничему,
И разгораешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень
поневоле.

1830

Автопортрет (1829 г.)

СОNET

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбю мысль Камюэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвин забывал
Гекзаметра священные напевы.

1850

К ВЕЛЬМОЖЕ

Москва.

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседельный,
Умов и моды вождь пронирыливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лещь его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростиась, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,

К веселью, роскоши знак первый подавал,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветренным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то

безбожник,

Садился Дидерот на шаткий свой треножник.
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею пль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твоё внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный сбор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор
суровый.

Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно.
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1850

МАДОННА

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне испослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1850

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;

Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень или волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

4850

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

4850

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меня всё, меня нас —
Уж ты для страстного поэта
Могильным сумраком одета,
А для тебя поэт угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего.
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Перед изгнанием его.

1850

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тотчас разбуду.
Проснется ли Старый —
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном!
Объята Севилья
И мраком, и сном.

1850

Румяный критик мой, насмешник
толстопузый
Готовый век трунить над нашей томной музой
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мною
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий.
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса,
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут
Борей.

И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы скоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь
оставить!
И песенкою нас веселой позабавить?

Куда же ты? — В Москву, чтоб графских
именин
Мне здесь не прогулять.

— Пстой — а карантин!
Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1850

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!

К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный
Толпой ходили палачи:
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик! Тогда султан
Был духом гнева обуян.

1850

ЗАКЛИНАНИЕ

О если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Ленлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,

Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

4850

ГЕРОЙ

Что есть истина?

ДРУГ

Да, слава в прихотах вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык,
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной.
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

ПОЭТ

Всё он, всё он — пришлец сей бравный,
Пред кем смирился царь,
Сей ратник, вольностью венчаный,
Исчезнувший, как тень, зари.

ДРУГ

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом, и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

П О Э Т

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем Кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною Чумою,
Царицею болезней... Он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмуясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет Чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей

Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Д Р У Г

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы, его раздался глас¹ —
И где ж очарованье света!

П О Э Т

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! что же
Он будет без него? Тиран!..

Д Р У Г

Утешся.....

29 сентября 1830
Москва

¹ Mémoires de Bourrienne.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ
ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

4850

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной
душой.

4850

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои владеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1850

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И как слава им мила: —
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

1850

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастных дней
Пусть не ведает Мери.

1850

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смейся жестоко над собратом,
Писаки русские, толпой,
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один)
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;

Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягала с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... — но я — мещанин.

Упрямества дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.

Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость в карантин
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец.
Я сам большой, я мещанин.

Post-scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин

Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

1830

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой тому в ответ: —
Сей пустошью владел еще покойный дед!»
Судья решил: «Чтоб не было разврата
Жените молодца, хоть девка виновата».

1850

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань, спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвеньё
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм в молчанье погружен...
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

185'

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? — волнения Литвы?
Оставьте: этот спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный
судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозюю
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском
море?
Оно ль иссякнет? — вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготевший над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский
штык?

Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

1831

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Реликий день Бородина
Мы, братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой,
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славяннов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведет:

Через ее шагнете кости!..»
Сбылось — и, в день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица,
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предшпшет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Воркслы, до Лимана?
За кем останется Волянь?

За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь потрясали, —
Смотрите ж: всё стоит она!
И вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра.
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы,
Вострепетала тень его

От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

1851

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И плешь ответ;
Тебе ж нет отрыва... Таков
И ты, поэт!

1851

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянусь коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвьи ночей,
Клянусь речей любовный шопот,
Стихов таинственный напев
И ласки легковверных дев
И слезы их и поздний ропот...

1851

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачней;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Давно ль, друзья... но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того дара в живых уж нет;
Мы жгли Москву, был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

И дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья.
И смерти дух средь нас ходил,
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим, —
Надеждою некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

1851

МАЛЬЧИКУ

(Из Камулла)

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик;
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Ты же прочь, речная влага —
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй:
Чистый нам любезен Бахус.

1852

Б***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней, и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье.
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселья, мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастье того, кто избран ей.
Кто милой деве даст название супруги.

4832

358

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ

Как покинула меня Парасковья
И как я с печалью промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас камня».

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в питом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гуслях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

359

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему мовлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай.
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу — «Здравствуй, Дмитрий Алексееч!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я, точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты как жил
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;

Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил: —
Правда ль: это племя злос,
Не боится наших сил?»

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он плет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

. . . . .

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.

Весь отряд его смутился,
Кто как мог пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край,
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

СОЛОВЕЙ

Соловей, мой соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота, —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки-янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать заторные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые домы,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

ВУРДАЛАК

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет

По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет,

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк.
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

КОНЬ

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,

Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять.
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет,
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

1852

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру;
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке,

Здесь на тебя, как лютый зверь,
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни чествою, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобривой*.
Одним, одним не хороши...» —
«А чем же? Расскажи, служивый».

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибыю — Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготавлив;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусинька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищура

(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И сев на веник перед печкой.

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Завилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
«Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят!» Но я, не струся:

«Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу!» — «Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный». —

«Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!

Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!» — «На, дурень, вот и конь» —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

«Садись». Вот сел я на коня.
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сажу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус.
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

1855

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б, — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти пожки целовал...

1855

ВОЕВОДА

(Из Мицкевича)

Поздно ночью из похода
Вернулся воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; зуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потушил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, — кликнул, — чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, камы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мнею!.. я ж ее!»

Пан и хлопел под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,

На скамейке, у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё продало.
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье. —
Воевода всё кушил».

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлае.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побридал он.
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и токует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядит,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вблизи шомполом заряд.

Подступили осторожно,
«Пап мой, целить мне не можно, —

Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет, в руках нет мочи,
Порох в вольку не попал». —

«Тихе ты, тайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потихе;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец панна не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся,
Хлопец, видно, промахнулся;
Прямо в лоб ему попал.

4835

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети, седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердыщами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вѣс я илю на победу;
Трое вѣс, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в
Новограде

Поживится от русских добычей.
Жены их, как в оздах, в драгоценных
нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых
крыжаков,
Может много достать дорогого,

Денег с целого света, сукоп яркого цвета. —
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без
страха:

В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно
оттуда

Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской
девицы.

Весела, что котенок у нечки,
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я
тоже,

И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонуку».

Сыновья с ним простились и в дорогу
пустились.

Ждет, пождет их старик домовитый.
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчитсЯ,
И под буркою ноша большая.

«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубил
ли?» —

«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится: всадник с ношею
мчится,

Черной буркой ее покрывая.

«Что под буркой такое? Не сукно ли
цветное?» —

«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею
мчится,

Черной буркой ее прикрывает.

Старый Будрыс хлопочет и спросить уж
не хочет,

А гостей на три свадьбы зывает.

1855

ОСЕНЬ

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий
тогда не входит ум?
Державин.

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной
я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Сурово зимой я более доволен.
Люблю ее снега; в присутствии луны

Как легкий бег саней с подругой быстр и
волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги.
Медведю, надост. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет — и жаль зимы старухи.
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной

К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной.
В ней много доброго; любовник не
тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна; •
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, — завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В их сених ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;

Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь.
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолни открыто,
Махая гривой, он всадинка несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день, — п в камельке
забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиег,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долги в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем,
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,

И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной
влагае,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра
полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?..
.....
.....

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

(Из Ксенофана Колофонского)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши
блещут;
Все уж увенчаны гости, иной обоняет,
зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает
амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой, студеной воды, золотистые хлебы,
янтарный
Мед и сыр молодой: всё готово; весь убран
цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале
трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать
благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят
нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь
мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не
вселика

В ночь, возвращаясь домой, на раба
опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и
тихо!

2

(Из Афеня)

Славная флейта, Феон, здесь лежит.
Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда
Скирпал родил,
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном.
За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный
Феон.
Славил и Ватала он, молодого красавца:
прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви:
здравствуй, Феон!

ВИНО

(Ион Хиосский)

Злое дитя, старик молодой, властелин
добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный
заступник любви!

1833

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову
влагу
С трезвой струею воды, с мудрой
беседой мешай.

1835

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций
Обнаженных и стыдливых;
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружба многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то чтоб разумом моим
Я дорожил; не то чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса.
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса;

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут.
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
    Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
    Да визг, да звон огов.

1855

Сват Иван, как пить мы станем,
Неприменно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом —
Начинай же, сват, пора —
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогам да вином.
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем;
Мастерица ведь была
И откуда что брала —
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать, так душе отраднo.
Кто придумал их так ладно?

И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да глядел.
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

1855

(ИЗ АНАКРЕОНА)

(Отрывок)

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей,
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней,
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет мой —
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт.
Из него же нет исхода...
Всяк сойдет — и там забыт.

Всегда остановлюсь пред ним, и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп
голый,

Высоко доснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и

угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был
жребий твой:

Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.

Там устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

. . . . .
. . . . .

О люди! жалкий род, достойный слез и
смеха!

Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облетала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1855

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его принял.
В божественной крови яд быстрый побежал,
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воеет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древес; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

1855

... **В**новь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объедает живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминанья с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синее, стелется широко,
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, на силу крылья
Ворочая при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их
мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
Попржнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспоманет.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

Подражание латинскому

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Займодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч

Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трин-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всюю прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Украсть ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли чеством новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,

И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Имениница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек —
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

4855

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!

Прошли восторги и печали
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

4855

НАДПИСИ

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия
чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится
быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, Дискобол! Он достоин,
клянусь,
Дружно обнявшись с тобой, после игры
отдыхать.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой
о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую
кость,
Вот уж прицелился... прочь! раздайся,
народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской
удалой игре.

1836

Д. В. ДАВЫДОВУ

(При посылке
«Истории Пугачевского бунта»)

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир,
Но и по этой службе трудной,
И тут — о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершилось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,

Стояли две жены,

В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
С ружьем и в кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? —
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов испустила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

ИЗ ПИНДЕМОНТИ

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.¹
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

¹ Hamiel.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1856

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался.
И с песнями бокалов звон мешался.
И тесною сидели мы толпой.
Тогда душой беспечные невежды
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет как мы перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его раздравных чаш,
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех, средь песен, раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный;
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сгуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник Лидей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... И племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг

Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале, изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

1836

Elegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является собранием избранных стихотворных произведений Пушкина. Объем издания заставил нас значительно ограничить его состав. При отборе учитывалось идейное и художественное значение каждого из печатаемых произведений, а также авторские оценки. Поэтому здесь очень мало представлена лицейская лирика и лишь в порядке исключения даны незавершенные стихотворения. Стремясь отразить в сборнике свойственное Пушкину разнообразие жанров и тематики, мы вместе с тем добивались такого подбора произведений, который дал бы общее представление о его творческой эволюции. Этим объясняется введение ряда ранних стихотворений (например, «К другу стихотворцу»), а также некоторых мелких экспромтов и посланий.

Тексты даны, в основном, в окончательных редакциях, с восстановлением изъятых цензурой мест, а также мест, которые Пушкин был вынужден отбрасывать из соображений политической осторожности. При редактировании текстов за основу принято шеститомное собрание сочинений Пушкина. Гослитиздат, изд. 5-е, М.—Л., 1937. В спорных

случаях тексты этого издания проверялись нами по первоисточникам — прижизненным публикациям и рукописям. Случаи, когда произведение не может быть точно датировано, оговорены в примечаниях. Подготовка издания закончена в 1937 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу стихотворцу. Это стихотворение является первым произведением Пушкина, появившимся в печати («Вестник Европы», 1814, № 13). Предполагают, что оно обращено к В. Кюхельбекеру. *Арист* — условное имя стихотворца. *Рифматов, Графов, Бибрус* — сатирические прозвища участников шишковской «Беседы» — С. А. Ширинского-Шихматова, гр. Д. И. Хвостова и С. С. Боброва. *Рамаков* — литературный критик П. И. Макаров.

Воспоминания в Царском Селе. Прочитано Пушкиным на публичном экзамене в Лицее в присутствии Державина в январе 1815 г. В 1819 г. Пушкин переделал это стихотворение, устранив из него упоминание Александра I, но не напечатал в новой редакции, так как оно было уже широко известно в первом варианте. (Эти поправки Пушкина здесь учтены.)

Лицинию. Подражание третьей сатире Ювенала. Подзаголовок «с латинского» введен не только как указание на источник

стихотворения, но и в целях усылнения бдительности цензуры.

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»). *Каверин П. П.* (1794—1855) — офицер гвардейского полка, стоявшего в Царском Селе.

Товарищам («Промчались годы заточенья»). Написано при окончании Лицея. *Красный колпак* — фригийская шапочка, служившая во время французской революции символом свободы.

Кривцову («Не пугай нас, милый друг»). *Кривцов Н. И.* (1791—1843) — приятель Пушкина, близкий к антиправительственной оппозиции, брат декабриста С. И. Кривцова.

К портрету Чаадаева. *Чаадаев П. Я.* (1794—1854) — писатель-философ, в молодости — офицер гвардейского гусарского полка, впоследствии (в 1836 г.) автор знаменитого «Философического письма», за которое был объявлен правительством сумасшедшим. Оказал значительное влияние на формирование свободолобивых взглядов Пушкина.

Вольность. Стихотворение это, распространившееся в России в огромном количестве нелегальных списков, послужило

одной из основных причин ссылки Пушкина. *Возвышенный галл* — по предположению одних комментаторов — Андрэ Шенье, другие полагают, что здесь имеется в виду Экушар Лебрен. *Злодейская порфира* — диктатура Наполеона I. *Самовластительный злодей* — повидимому, Александр I. *Забвенью брошенный дворец* — Михайловский замок, в котором был убит Павел I.

Сказки (Noël). Написано в форме сатирической французской рождественской песенки. Стихотворение посвящено обличению Александра I — «кочующего деспота», возглавившего контрреволюционный Священный союз и выступившего в 1818 г. на открытии польского сейма с речью, в которой обещал России конституцию. *Лавров И. П.* — директор исполнительного департамента в министерстве полиции. *Соф В. И.* — секретарь цензурного комитета в министерстве полиции. *Горголи И. С.* — петербургский обер-полицмейстер в 1811—1821 гг.

Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»). *Юрьев Ф. Ф.* (1796—1860) — лейб-улан, приятель Пушкина по «Зеленой лампе».

К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»). О Чаадаеве см. стр. 427. Стихотворение было предназначено Пушкиным для нелегального распространения и широко использовалось декабристами в целях револю-

ционной агитации. В ряде рукописных копий (автограф до нас не дошел) 1-я строка читается: «Любви, надежды, гордой славы», 4-я строка — «Как дым, как утренний туман», 18-я строка — «Заря пленительного счастья». Текст, печатаемый здесь, считается более достоверным.

На Н. М. Карамзина. Связано с выходом в свет первых томов «История Государства Российского» Карамзина. Принадлежность эпиграммы Пушкину окончательно не установлена.

В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»). *Энгельгардт В. В.* (1785—1837) — член «Зеленой лампы».

Деревня. Распространялось в рукописных копиях. Впервые напечатано полностью в 1870 г.

Стансы Толстому. Обращено к Я. Н. Толстому (см. стр. 433).

На Аракчеева. *Преданный без лести* — девиз в гербе Аракчеева.

На Фотия. Принадлежность эпиграммы Пушкину окончательно не установлена.

«Погасло дневное светило». В этой элегии, написанной на корабле по пути из Керчи в Гурзуф, использованы некото-

рые мотивы 1-й песни «Чайльд-Гарольда» Байрона.

Чаадаеву («К чему холодные сомнения?»). Написано в Крыму, на месте, где, по преданию, был расположен древнегреческий храм Артемиды.

Черная шаль. Впервые опубликовано Пушкиным под заголовком «Молдавская песня».

Земля и море. Перевод стихотворения древнегреческого поэта Мосха.

В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал Орлов»). Давыдов В. Л. (1792—1855) — один из виднейших членов Южного общества декабристов. В имени Давыдова — Каменке, служившем местом совещаний членов тайного общества, Пушкин пробыл с ноября 1820 г. до начала марта 1821 г. Стихотворение насыщено намеками на кишиневские события. Генерал Орлов — М. Ф. Орлов — член Союза благоденствия, тогда бывший женихом Е. Раевской. Безрукий князь — Александр Ипсиланти, весной 1821 г. возглавивший восстание в Молдавии. Те и та: те — члены итальянского общества карбонариев, организовавшего революционные выступления в Италии; та — свобода.

Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»). Философ — граф

Ф. И. Толстой, которого Пушкин считал автором распространявшейся о нем накануне ссылки сплетни о том, что он был высечен в полицию. Оратор Лужников — М. Каченовский, подписывавший некоторые свои статьи псевдонимом «Лужницкий старец». Шеплинг — кавалергардский офицер, который был известен как скучный человек.

Кинжал. Написано на юге России в момент активизации деятельности тайного общества. По свидетельству декабристов, использовалось ими для приготовления цареубийства. Лемносский бог — Вулкан, бог кузнечного мастерства. Апостол гибели — Ж. П. Марат. Дева Эменида — Шарлотта Кордэ. Отрицательная характеристика Марата заимствована Пушкиным из буржуазной литературы, оклеветавшей Друга народа.

Наполеон. Написано по поводу смерти Наполеона. Тильзит — город в восточной Пруссии, в котором в 1807 г. Александр I был вынужден заключить мир с Наполеоном. Австерлиц (Аустерлиц) — город в Моравии, у которого в 1805 г. русско-австрийские войска были разбиты Наполеоном. В 1812 г., перед началом Бородинского сражения, когда показалось солнце, Наполеон воскликнул: «Солдаты, это солнце Аустерлица!»

Война. Написано в связи с восстанием греков против Турции. В это время распро-

странились слухи, что Россия выступит в защиту греков.

Песнь о вешем Олеге. Легендарный рассказ летописца о смерти Олега Пушкин заимствовал из «Истории Государства Российского» Карамзина. «Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия — да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического» — писал Пушкин в 1825 г. в письме к А. Бестужеву.

«Люблю ваш сумрак неизвестный». В рукописи, являющейся ранней редакцией стихотворения, имеется следующее начало, в котором Пушкин говорит о «загробном» существовании:

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова;
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливым дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чудно мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!
Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Невольным ужасом томим,

Дрожит, колеблется — пред ним
Предметы движутся, темнеют,
В нем чувства хладные немеют,
Кругом оплота ищет он, —
Всё мчится, меркнет, исчезает,
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...

Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»). Толстой Я. Н. (1791—1867) — один из руководителей «Зеленой лампы», о которой Пушкин, уехав на юг, не имел никаких известий. В послании вспоминаются собрания «Зеленой лампы». Калмык — слуга Всеволожского, прислуживавший во время пирушек.

Гречанке («Ты рождена воспламенять»). Обращено к гречанке Калипсо Полихрони, которую считали любовницей Байрона.

Послание цензору. При жизни Пушкина не печаталось и распространялось в рукописных копиях. В форме обращения к одному из наиболее реакционных и тупых цензоров царской России, А. С. Биуркову, Пушкин развертывает своеобразную политическую декларацию, требующую допущения свободы мнений и уничтожения цензурного гнета.

Ф. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной»). Глинка Ф. Н. (1786 —

1880) — поэт, один из видных деятелей левого литературного фланга и вождей Союза благоденствия, в связи с ссылкой Пушкина обратился к нему в печати с приветственным посланием, ответом на которое и является это стихотворение.

«Гречанка верная! не плачь,— он пал героем». Стихотворение связано с греческим восстанием 1821 г.

«Свободы сеятель пустынный». Стихотворение вызвано разочарованием Пушкина в успехе революционной пропаганды в связи с разгромом революционного движения на Западе, укреплением реакции в России и резким ослаблением активности широких кругов оппозиционно-либерального дворянства.

Прозерпина. Вольный перевод из поэмы «Превращение Венеры» французского поэта Парни. Основан на мифологических образах. *Прозерпина* — богиня, жена властителя айда (подземного царства) Плутона. *Флегетон* — огненная река, окружающая тартар — нижнюю часть айда.

К Языкову («Издравле сладостный союз»). *Языков Н. М.* (1803—1846) — поэт. Находился под большим влиянием поэзии Пушкина. В это время жил в Дерпте, учась в университете.

Разговор книгопродавца с поэтом. Впервые был напечатан в качестве вступления к первой главе «Евгения Онегина».

К морю («Прощай, свободная стихия»). Написано в связи с отъездом Пушкина из Одессы в ссылку в Михайловское. *Другой от нас умчался гений* — Байрон, умерший в апреле 1824 г.

Подражания Корану. Эти стихотворения являются свободной переработкой отдельных глав (сур) Корана. Высокую оценку «Подражаниям» дал еще Белинский, назвавший этот цикл «блестящим алмазом в поэтическом венке Пушкина».

Второе послание к цензору. Связано с надеждами Пушкина на изменение цензурной политики после назначения министром просвещения А. С. Шишкова. Стихотворение не было рассчитано на печать и преследовало ту же цель, что и первое «Послание цензору». Положительную оценку Шишкову («Министра честного наш добрый царь избрал» и т. д.) Пушкин, по его собственному признанию, дал, «имея в виду пользу нашей словесности и усмирения кичливого Красовского».

«Сказали раз царю, что наконец». Написано в связи с казнью в Мадриде 16 октября 1824 г. испанского

революционера Риэго. *Усердный льстец* — гр. Воронцов, сказавший Александру I при получении известия об этой казни: «Какая счастливая новость, государь, — одним мерзавцем меньше».

«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает». Перевод элегии Андрэ Шенье.

Признание. Обращено к А. И. Осиповой, падчерице соседки Пушкина по Михайловскому, хозяйки Тригорского — П. А. Осиповой.

«Пускай увенчанный любовью красоты». Датируется 1824 г. предположительно.

«Воспитанный под барабаном». Эпиграмма на Александра I. Об Австерлице см. стр. 431.

О да его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову. Пародия эта, адресованная бездарному виршеписцу Хвостову, направлена против авторов «торжественных од» вообще.

Жив, жив курилка! Эпиграмма направлена против редактора «Вестника Европы» Каченовского, который злобно критиковал произведения Пушкина.

Ex ungue leonem. По поводу стихотворения Пушкина «Прятелям» (стр. 166) издатель журнала «Благонамеренный» А. Е.

Измайлов в анонимной заметке писал: «Страшно, очень страшно. Более же всего напугало меня то, что у сочинителя есть когти». Ответом на этот отзыв и является эта эпиграмма.

Андрей Шенье. *Андрэ Шенье* (1762—1794) — политически умеренный поэт французской революции, выступавший в защиту жирондистов, а затем в защиту Людовика XVI и казненный накануне контрреволюционного переворота. Пушкин изобразил здесь Шенье как революционера, преданного до конца идеям свободы, и отразил в лирическом монологе Шенье личные переживания. Об этом свидетельствуют и слова Пушкина в письме к Вяземскому: «Читал ли ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем как иезуит по намерению». Отрывок из монолога Шенье распространен после декабрьского восстания в нелегальных списках с надписью «На 14 декабря» и вызвал политический процесс, окончившийся для Пушкина установлением над ним секретного полицейского надзора.

К А. П. Керн («Я помню чудное мгновение»). В этом стихотворении Пушкин вспоминает первую встречу с Керн в 1819 г.

19 октября («Роняет лес багряный свой убор»). Посвящено ежегодно праздновавшейся лицейской годовщине. Содержит

упоминания ряда лицейстов: в четвертой строфе говорится о Корсакове, умершем в Италии в 1820 г., в пятой — о моряке Матюшкине, в девятой — вспоминается посещение Михайловского Пушкиным 11 января 1825 г., в десятой — встреча с Горчаковым в сентябре 1825 г., в одиннадцатой — проезд Дельвига в Михайловское в апреле 1825 г., в тринадцатой — содержится обращение к Кюхельбекеру.

Движение. *Мудрец брадатый* — греческий философ Зенон, утверждавший, что движение является суммой положений, из которых каждое отдельно взятое есть покой.

Сцена из Фауста. Представляет собою вполне самостоятельное произведение и связано с «Фаустом» Гете только образами Фауста и Мефистофеля.

«Так море, древний душегубец». Написано в связи со слухами (оказавшимися впоследствии ложными), что деятель тайного общества Н. И. Тургенев арестован в Англии и пересылается морем в Петербург. Стихи посланы в письме Вяземскому и являются откликом на присланное им Пушкину стихотворение «Море».

К Языкову («Языков, кто тебе внушил»). Написано в ответ на послание Н. М. Языкова Пушкину, посвященное воспоминаниям о встрече поэтов летом 1826 г. в Тригорском.

Песни о Стеньке Разине. Песни написаны по фольклорным и историческим источникам.

И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный»). Стихотворение это, в котором Пушкин вспоминает приезд к нему Пушкина в 1825 г. в Михайловское, было отправлено к нему на каторгу вместе с адресованным декабристам посланием «В Сибирь».

Стансы («В надежде славы и добра»). Стихотворение отражает кратковременные неосуществившиеся надежды Пушкина повлиять на Николая I, склонить его к необходимости проведения программы широких реформ. С этой целью деятельность Петра Великого, который «смело сеял просвещение», приведена Николаю I в качестве примера для подражания. В конце стихотворения содержится намек на необходимость смягчения участи осужденных декабристов.

В Сибирь («Во глубине сибирских руд»). На это послание декабрист А. Одоевский ответил стихами «Струи вещей пламенные звуки».

«Какая ночь! мороз трескучий». Стихотворение не окончено и является, по видимому, частью замысла из эпохи царствования Ивана Грозного.

Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»). Ушакова — московская знакомая Пушкина, в которую он одно время был влюблен.

Арион. Стихотворение аллегорически изображает связь Пушкина с восстанием декабристов.

«Близ мест, где царствует Венеция златая». Перевод стихотворения Андре Шенье.

19 октября 1827 г. («Бог помочь вам, друзья мои»). Написано к очередной лицейской годовщине (в этот день в 1811 г. был открыт Лицей). В последнем стихе имеются в виду находившиеся на каторге друзья Пушкина — И. Пущин и В. Кюхельбекер.

Золото и булат. Перевод французской эпиграммы XIX в., автор которой неизвестен.

Няне. Обращено к Арине Родионовне, няне Пушкина. Стихотворение не было закончено.

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю»). Написано в ответ на упреки, вызванные напечатанием стансов «В надежде славы и добра» (стр. 223).

Воспоминание. В черновой рукописи стихотворение имеет следующее неза-

конченное и неотделанное продолжение, содержащее ряд зачеркнутых и не восстановленных слов:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу <...> наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

«Дар напрасный, дар случайный». Написано 26 мая — в день рождения Пушкина. Ответом на эти стихи явилось стихотворение московского митрополита Филарета:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога нам дана
и т. д.

Пушкин ответил Филарету стихотворением «В часы забав или праздной скуки» (стр. 303), которое, по всей вероятности, было продиктовано желанием отвести от себя содержащиеся в стихах Филарета прямые намеки на безверие поэта.

На персник. Обращено к А. Ф. Закревской, которой Пушкин увлекался.

Предчувствие. Стихотворение связано с привлечением Пушкина к секретному следствию по делу о поэме «Гавриилнада».

Ее глаза. Написано в ответ на стихотворение Вяземского «Черные очи», адресованное А. О. Россет.

Анчар. При появлении в «Северных Цветах» на 1830 г. стихотворение вызвало резкое неудовольствие Бенкендорфа. Вероятно, еще до разговора с Бенкендорфом, Пушкин, готовя издание стихотворений, изменил в последней строфе слово «царь» на «князь».

Поэт и толпа. Печаталось Пушкиным под названием «Чернь». Подготавливая в 1836 г. новое издание стихотворений, Пушкин изменил название.

«Каков я прежде был, таков и ныне я». Эпиграф заимствован из Андра Шенье.

«В прохладе сладостной фонтанов». Стихотворение окончательно не отделано.

«Подъезжая под Ижору». Обращено к Е. В. Вельяшевой, с которой Пушкин встретился в 1828 г. в Тверской губ.

Делибаш. Делибаш (турецкое) — начальник делисов, конных войск, состоявших из испытанных храбрецов.

«Не пленяйся бранной славой». Написано Пушкиным в дни пребывания в действующей армии во время русско-турецкой войны.

Кавказ. Последняя строфа («Так буйную вольность...») осталась в рукописи незаконченной и не печаталась Пушкиным по цензурным соображениям.

К бюсту завоевателя. Написано по поводу бюста Александра I работы Торвальдсена.

«Как сатирой безымянной». Направлено против Н. И. Надеждина, высказывавшего резкое недовольство эпиграмами Пушкина.

«Встань, о Греция, встань». Стихотворение не завершено. Написано по поводу Адрианопольского мира.

согласно которому Турция признала политическую независимость Греции. Рига Константин — греческий поэт, основатель тайного общества, имевшего целью борьбу за независимость Греции.

При посылке бронзового Сфинкса («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»). В стихотворении дана характеристика Дельвига, о котором Пушкин писал в 1827 г.: «Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из XIX столетия в золотой век...»

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул!»). Обращено к Е. Н. Ушаковой (см. стр. 440).

К Вельможе. Послание обращено к кн. Н. Б. Юсупову в ответ на приглашение приехать в его подмосковную усадьбу Архангельское. По определению Белинского, в послании дано «изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей». Цитируются: Вольтер. Армида — Мария Ангуанетта, жена Людовика XVI (названа здесь по имени прекрасной волшебницы из «Освобожденного Иерусалима» Тассо). Двойственный собор — нижняя и верхняя палаты в английском парламенте. Севилла — Севилья. Темира — условное женское имя. Алябьева А. В. и

Гончарова Н. Н. (будущая жена Пушкина) пользовались в Москве славой первых красавиц.

Мадонна. Сонет обращен к невесте Пушкина — Н. Н. Гончаровой.

Ответ Анониму. Написано в ответ на приветственное стихотворение, анонимно посланное Пушкину ученым-египтологом И. А. Гульяновым в связи с предстоявшей женитьбой Пушкина.

Труд. Написано в связи с окончанием «Евгения Онегина».

«Стамбул гяуры нынче славят». Стихотворение было введено в «Путешествие в Арзрум» в несколько измененной редакции и без последней строфы, повествующей о кровавом усмирении восставших янычар.

Герой. Написано в связи с известием о приезде Николая I в Москву, где свирепствовала холера. Подписанием стихотворения датой приезда Николая в Москву — 29 сентября 1830 г. — тонко проведена аналогия между легендой о посещении Наполеоном чумных госпиталей и слухами о «геройстве» Николая, который был встревожен ожиданием массовых бунтов в связи с эпидемией.

«Для берегов отчизны дальной». Существует предположение, что стихотворение посвящено памяти Амалии Ризнич, в которую Пушкин был влюблен в Одессе (умерла в 1825 г. в Италии).

«Пью за здравие Мери». Эпиграф («За твоё здоровье, Мери») взят из стихотворения английского поэта Барри Корнуола, подражанием которому является «Пью за здравие Мери».

Моя родословная. Написано в ответ на появившуюся в «Северной Пчеле» пасквильную статью о предках Пушкина, принадлежавшую перу продажного журналиста, полицейского шпиона Фаддея Булгарина (в конце стихотворения он назван «Фиглярин»). Первая строфа содержит указание на журнальную травлю как «литературных аристократов» Пушкина и его товарищей по «Литературной газете».

Намеки Пушкина на «новую знать», среди представителей которой в недавнем прошлом был торговец блинами (князь А. Д. Меншиков) и т. д., имеют в виду конкретных лиц. *Мещанская* — улица в Петербурге, о которой говорится в заключительных стихах, была известна в то время публичными домами.

В одном из таких домов, по слухам, жила до замужества жена Булгарина.

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого». Переделка стихотворения французского поэта XVI в. Поля Пелиссона.

«Перед гробницею святой». Стихотворение вызвано неудачами русских войск в войне против восставшей Польши в 1831 г. Обращено к кн. М. И. Голенищеву-Кутузову (1745—1813), главнокомандующему русской армией в войне 1812—1813 гг. с Францией. *Гробница святая* — гробница Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

Клеветникам России. Написано в связи с антирусскими выступлениями в иностранной прессе и во французском парламенте во время усмирения русскими войсками восставшей Польши. «Того и гляди навяжется на нас Европа» — писал Пушкин Вяземскому, опасаясь иностранного вмешательства и серьезных международных осложнений. *Народные витии* — парламентские ораторы.

Бородинская годовщина. Написано после получения Пушкиным известия о взятии 26 августа 1831 г. Варшавы русскими войсками. Этот день совпал с днем Бородинского сражения 1812 г. Во второй строфе имеется в виду угроза иностранного вмешательства в русско-польскую войну, в

шестой говорится о границах России и Польши, в восьмой — о Паскевиче, руководившем тремя войнами («тройная брань») и, в том числе, войной с Польшей. В последней строфе вспоминается взятие Варшавы Суворовым в 1794 г. *Наследие Богдана* — Украина.

«Чем чаще празднует Лицей». Написано к лицейской годовщине 19 октября 1831 г. *Шесть мест упраздненных* — шесть умерших лицейских товарищей Пушкина (в том числе близкий друг Пушкина — Дельвиг). В рукописи вторая строфа зачеркнута.

«С Гомером долго ты беседовал один». Обращено к Гнедичу, в связи с окончанием им перевода «Илиады» Гомера. Стихи 17—20 в рукописи зачеркнуты.

Красавица. Написано в альбом графини Е. М. Завадovской, которая славилась своей красотой.

К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»). Относится к графине Н. Л. Сокологуб, знакомой Пушкина.

Песни западных славян. В этот цикл входят шестнадцать стихотворений (здесь даны семь). Одиннадцать из них являются частью переводами, частью переделками стихотворений из французского сборника П. Мериме «Гузла, или избранные

иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине». В действительности стихотворения Мериме не являются народными песнями, а написаны им самим. Приводимые в нашем сборнике «Влах в Венеции», «Бонапарт и черногорцы» и «Вурдалак» являются переводами, а «Похоронная песня» и «Конь» — переработками песен Мериме. «Соловей» переведен Пушкиным из сборника сербских песен Вука Караджича. «Воевода Милош» написан Пушкиным по историческим источникам.

Воевода; Будрыс и его сыновья. Переводы баллад польского поэта Адама Мицкевича.

Подражания древним. Датируется 1833 г. предположительно. Второе стихотворение заимствовано Пушкиным из сборника, составленного Афенесем, и принадлежит древнегреческому поэту Гедилу.

Полководец. Посвящено М. Б. Барклаю де Толли (1761—1818) — главнокомандующему русской армией в начале войны 1812 г. Барклай вел тактику отступления в глубь страны, возбудившую подозрение в измене, и был смещен и заменен Кутузовым, который продолжал ту же тактику. Стихотворение вдохновлено портретом Барклая работы Доу, находившемся в Зимнем дворце, в галерее портретов участников

войны 1812 г. В ответ на обвинение в том, что это стихотворение якобы унижает славу Кутузова, Пушкин напечатал в «Современнике» «Объяснение», в котором между прочим писал: «...ужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли потому, что Кутузов велик».

Из А. Шенье («Покров, упитанный извительною кровью»). Основано на мифе о гибели Геркулеса (Алкида). Кентавр, убитый Геркулесом, дал Деянире, жене Геркулеса, пропитанную ядом рубашку как талисман, удерживающий от измены. Когда Геркулес надел эту рубашку, яд начал жечь кожу. Геркулес пытался сорвать с себя рубашку, но не смог и, сложив на горе Эте костер, вознесся в его пламени на небо.

«Вновь я посетил». Стихотворение не закончено. Написано Пушкиным в связи с приездом осенью 1835 г. в село Михайловское.

На выздоровление Лукулла. Стихотворение является сатирой на министра просвещения и главу цензурного ведомства реакционера С. С. Уварова. Под Лукуллом Пушкин подразумевал гр. Шереметева, наследником которого был Уваров. Непосредственным поводом к написанию стихотворения явилась болезнь Шере-

meteва и попытка Уварова, уверенного в его неизбежной смерти, захватить имущество при жизни больного.

«Юношу, горько рыдая, юная дева бранила». Датируется 1835 г. предположительно.

«Я думал, сердце позабыло». Стихотворение не закончено. Датируется 1835 г. предположительно.

Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою»). *Денис Давыдов* (1784—1839) — поэт, один из организаторов партизанских отрядов во время войны 1812 г.

Художнику. Обращено к скульптору Б. И. Орловскому (1792—1833).

Подражание италиянскому. Подражание сонету итальянского поэта Ф. Джинани (1760—1822); основано на евангельской легенде о самоубийстве Иуды после предательства Христа.

Мирская власть. Написано по поводу охраны часовыми выставленной для осмотра публичкой картины К. П. Брюллова «Распятые».

Из Пиндемонти. Источник указан Пушкиным фиктивный, для отвлечения внимания цензуры. В рукописи *зависеть от*

царя было исправлено Пушкиным: *зависеть от властей*.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит». Стихотворение не доработано. Датируется 1836 г. предположительно.

«Была пора: наш праздник молодой». Посвящено двадцать пятой ливонской годовщине. Стихотворение не закончено. Пушкин начал читать его на традиционном праздновании годовщины, но, по рассказу очевидца, «слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чтения».

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Эпиграф взят из оды Горация «К Мельпомене», которой Пушкин подражал. *Александрийский стол* — памятник Александру I против Зимнего дворца, открытый в Петербурге в 1834 г. Четвертая строфа в первой редакции читалась:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я
Свободу

И милосердие воспею.

ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И ЦИТАТ

Стр. 173. По когтям узнают льва.

Стр. 174. Но хоть и был я печальным пленником, все же моя лира пробуждалась.

Стр. 180.¹

Как последний луч, как последнее
дуновение зефира
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так, у подножия эшафота, я еще
раз берусь за лиру.

(См. *Последние стихи Андрея Шенье*)

² Авель, нежный наперсник моих юношеских тайн. (*Элегия, I*)

Фанни — одна из возлюбленных Андрея Шенье. См. обращенные к ней стихотворения.

³ Юная узница (М-ль де Куаньи)

⁴ См. его «Ямбы».

Шенье возбудил к себе ненависть крайних. Он прославлял Шарлотту Кордэ, осмеивал Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Как известно, король в письме, полном спокойствия и достоинства, требовал у Национального собрания права апеллировать к народу на свой смертный

приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, было составлено Андреем Шенье (*А. де Латуш*).

⁶ В свои последние мгновения они говорили о поэзии: после дружбы то была для них самая прекрасная вещь на земле. Предметом их разговора и их последнего восхищения был Расин. Им хотелось декламировать его стихи, и они выбрали первую сцену из трагедии «Андромаха» (*А. де Латуш*).

Все же у меня там кое-что было.

Стр. 263. Отойдите, непосвященные.

Стр. 266. Таков я был когда-то и таков еще и теперь.

Стр. 274. «Но где».

Стр. 294. Радуйся, мать божья.

Свет небесный, святая роза.

Стр. 305. Не презирай сонета, критик.

Вордсворт.

Стр. 331. Мемуары Бурьена.

Стр. 336. За твоё здоровье, Мери

Стр. 355. Мальчик, прислужник пира.

Стр. 422. Я воздвиг памятник.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

А. С. Пушкин. Вступительная статья
Б. Мейлаха. III

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу стихотворцу	3	426
Воспоминания в Царском Селе	7	426
Романс («Под вечер, осенью не- настной»)	14	
Лидию	16	426
Певец	19	
Желанье	20	
Пробужденье	21	
Друзьям («Богами вам еще даны»)	23	
К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»)	24	427
Товарищам («Промчались годы заточенья»)	25	427
К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада	27	
Кривцову («Не пугай нас, милый друг»)	28	427

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Торжество Вакха	29	
К портрету Чаадаева	32	427
Вольность	33	427
Сказки (Noël).	37	428
К портрету Жуковского	39	
Юрьеву («Любимец ветренных Ланс»)	40	428
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»)	42	428
На Н. М. Карамзина	43	429
В. В. Энгельгардту («Я усколь- знул от Эскулапа»)	44	429
Деревня	46	429
Русалка	49	
Стансы Толстому	52	429
Возрождение	54	
Дориде («Я верю: я люблю; для сердца нужно верить»)	55	
Дорида	56	
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей»	57	
На Аракчесва	58	429
На Фотия	59	429
«Погасло дневное светило» Чаадаеву («К чему холодные со- мнения?»)	60	429
Черная шаль	62	430
Нереида	63	430
«Редает облаков летучая града».	65	
Земля и море	66	430
«Я пережил свои желанья»	67	430
Муза	68	
	69	

В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал Орлов»)	70	430
Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).	73	430
«Кто видел край, где роскошью природы»	76	
Кинжал	78	431
«Умолкну скоро я. Но если в день печали»	80	
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет»	81	
Наполеон	82	431
Война	87	431
К Овидию	89	
К*** («Зачем безвременную ску- ку»)	93	
Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»)	94	
«Наперсница волшебной старины» Друзьям («Вчера был день раз- луки шумной»)	95	
Песнь о вещем Олеге	96	432
«Люблю ваш сумрак неизвестный» Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»)	98	432
Узник	102	433
Гречанке («Ты рождена воспла- менять»)	103	433
Послание девзору	105	433
Ф. Глинке («Когда среди оргии жизни шумной»)	106	433
«Гречанка верна! не плачь, — он пал героем»	108	433
	113	433
	114	434

Птичка	115	
Ночь	116	
«Простишь ли мне ревнивые меч- ты»	117	
«Свободы сеятель пустынный»	119	434
Демон	120	
«Надеждой сладостной младенче- ски дыша»	121	
Телега жизни	122	
Иностранке	123	
На гр. М. С. Воронцова	124	
«О муза пламенной сатиры!»	125	
Прозерпина	126	434
К Языкову («Издrevле сладостный союз»)	128	434
Разговор книгопродавца с поэтом	130	435
К морю («Прощай, свободная сти- хия!»)	137	435
Коварность	140	
«Ненастный день потух; ненаст- ной ночи мгла»	142	
«Ночной зефир»	144	
Фонтану Бахчисарайского дворца	145	
Виноград	146	
Подражания Корану	147	435
Второе послание к цензору	155	435
Аквилон	158	
«Сказали раз царю, что наконец»	159	435
«Ты вынешь и молчишь; печаль тебя съедает»	160	436
Признание	161	436
К** («Ты богоматерь, нет со- мненья»)	163	

«Пускай увенчанный любовью красоты»	164	436
«Воспитанный под барабаном»	165	436
Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова»)	166	
Сожженное письмо	167	
Дружба	168	
Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хво- стову	169	436
Жив, жив курилка!	172	436
Ex ungue leonem	173	436
Андрей Шенье	174	437
Желание славы	182	
К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье»)	184	437
Жених	186	
«Если жизнь тебя обманет»	193	
Вакхическая песня	194	
«Цветы последние милей»	195	
19 октября («Роняет лес багря- ный свой убор»)	196	437
Движение	202	438
«В крови горит огонь желанья»	203	
«Вертоград моей сестры»	204	
Буря	205	
Зимний вечер	206	
«Всё в жертву памяти твоей»	208	
Сцена из Фауста	209	438
«Под небом голубым страны своей родной»	214	
«Так море, древний душегубец»	215	438
К Языкову («Языков, кто тебе внушил»)	216	438

Песни о Стеньке Разине	439	
1. «Как по Волге реке, по ши- рокой»	217	
2. «Ходил Стенька Разин»	218	
3. «Что не конский топ, не людская молвь»	219	
Пророк	220	
И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг беспен- ный!»)	222	439
Стансы («В надежде славы и добра»)	223	439
Зимняя дорога	224	
В Сибирь («Во глубине сибир- ских руд»)	226	439
Соловей и роза	227	
«Какая ночь! мороз трескучий»	228	439
Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»)	230	440
Ангел	231	
Арион	232	440
Три ключа	233	
Поэт («Пока не требует поэта»)	234	
«Близ мест, где царствует Вене- ция золотая»	235	440
19 октября 1827 г. («Бог помочь вам, друзья мои»)	236	440
Талисман	237	
Череп	239	
«Храни меня, мой талисман»	245	
Золото и булат	246	440
Пиане	247	440

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю»)	248	440
Воспоминание	250	440
«Дар напрасный, дар случайный»	251	441
«Кобылица молодая»	252	
Наперсник	253	442
Предчувствие	254	442
Утопленник	256	
«Ворон к ворону летит»	259	
Ее глаза	260	442
Анчар	261	442
Поэт и толпа	263	442
«Каков я прежде был, таков и ныне я»	266	442
«Город пышный, город бедный»	267	
«Не пой, красавица, при мне»	268	
Цветок	269	
«В прохладе сладостной фонта- нов»	270	443
«Подъезжая под Ижору»	272	443
Приметы («Я ехал к вам: живые сны»)	273	
Калмычке	274	
«На холмах Грузии лежит ноч- ная мгла»	275	
Делибаш	276	443
«Не пленяйся бранной славой»	277	443
Кавказ	278	443
К бюсту завоевателя	280	443
Дорожные жалобы	281	
«Как сатирой безымянной»	283	443
Обвал	284	
«Встань, о Греция, встань!»	285	443

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»	287	
«Я вас любил: любовь еще, быть может»	289	
Зимнее утро	290	
При посылке бронзового Сфинкса («Кто на снегах возрстил Феокритовы нежные розы?»)	292	444
«Жил на свете рыцарь бедный»	293	
Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»)	296	
«Брожу ли я вдоль улиц шумных»	297	
Дон	299	
«Когда твои молодые лета»	300	
«Что в имени тебе моем?»	301	
Ответ («Я вас узнал, о мой ора- кул!»)	302	444
«В часы забав иль праздной скуки»	303	
«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»	304	
Сонет («Суровый Дант не прези- рал сонета»)	305	
К Вельможе	306	444
Поэту («Поэт! не дорожи любо- вью народной»)	310	
Мадонна	311	445
Бесы	312	
Элегия («Безумных лет угасшее веселье»)	315	
Ответ Анониму	316	445
Труд	318	445
Царскосельская статуя.	319	

«В последний раз твой образ ми- лый»	320	
«Я здесь, Инезилья»	321	
«Румяный критик мой, насмеш- ник толстопузый»	322	
Рифма	324	
«Стамбул гиуры нынче славят»	325	445
Заклинание	327	
Герой	329	445
Стихи, сочиненные ночью во вре- мя бессонницы	332	
На перевод Илиады	333	
«Для берегов отчизны дальней»	334	446
«Пред испанкой благородной»	335	
«Пью за здравие Мери»	336	446
Моя родословная	337	446
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого»	341	447
Цыганы («Над лесистыми бре- гам»)	342	
«Перед гробницею святой»	343	447
Клеветникам России	345	447
Бородинская годовщина	347	447
Эхо	351	
«Когда в объятия мои»	352	
«Чем чаще празднует Лицей»	353	448
Мальчику (Из Катулла)	355	
«С Гомером долго ты беседовал один»	356	448
Красавица	357	448
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»)	358	448
Песни западных славян	359	448

Гусар	367	
«Когда б не смутное влечение»	372	
Воевода	373	449
Будрыс и его сыновья	376	449
Осень	379	
Подражания древним		449
1. Из Ксенофана Колофонского	384	
2. Из Афеня	385	
Вино (Ион Хиосский)	386	
«Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу»	387	
«Бог веселый винограда»	388	
«Не дай мне бог сойти с ума»	389	
«Сват Иван, как пить мы станем»	391	
(Из Анакреона)		
(Отрывок) «Узнают коней ретивых»	393	
Ода LVI («Поредели, побелели»)	393	
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?»)	394	
Полководец	395	449
Туча	398	
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительно кровью»)	399	450
«Вяновь я посетил»	400	450
На выздоровление Лукулла	402	450
Пир Петра Первого	404	
«Юношу, горько рыдая, юная дева бранила»	406	451
«От меня вечер Ленла»	407	
Подражание арабскому	408	

«Я думал, сердце позабыло»	409	451
Подписи		
На статую играющего в свайку	410	
На статую играющего в бабки	410	
Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!»)	411	451
Художнику	412	451
Подражание италийскому	413	451
Мирская власть	414	451
Из Пиндемонти	415	451
«Когда за городом, задумчив, я брожу»	416	
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»	418	452
«Была пора: наш праздник молодой»	419	452
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»	422	452
Примечания	423	
Перевод иностранных выражений и цитат	453	

Ответств. редактор Н. Степанов.
Технич. редактор А. Кирнарская.
Корректор Р. Бекетова. Худож-
ник В. Двораковский.
Леноблгорлит № 1488 С. П. 1/Л.
Тираж 10000. Сдано в набор 27/IV 1937 г.
Подписано к матриц. 22/II 1938 г.
Подписано к печати 17/III 1940 г.
Печ. л. 8¹/₈. Уч.-изд. л. 18,82. Бум.
л. 4¹/₁₆. Формат бумаги 72×108/64. Кол.
знаков в 1 бум. л. 149000. Набрано
в тип. „Печ. Двор“ им. М. Горького.
Отпечатано с матриц в тип. „Ленин-
градская Правда“. Ленинград, Соци-
алистическая, 14. Заказ № 2104

6 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.